

РОМАН ХАЕР

БРАВАЯ
СЛУЖБА

Удачная работа

Роман Хаер
Бравая служба

«Центрполиграф»

2010

Хаер Р.

Бравая служба / Р. Хаер — «Центрполиграф», 2010 — (Удачная работа)

Бравого джисталкера Тима снова ждет яростный и веселый мир Ворк. Он реализует глобальный проект века, и всюду готовятся к грандиозным переменам. По милости джисталкера всякие там энергетические потоки да и мысли обитателей двух миров будут теперь течь в направлении, угодном Тиму. Всемогуший маг может устроить Большую охоту на тираннозавра величиной с американский небоскреб и победить его, как соседского петуха. Однако и такую могучесть можно легко пробить двумя слезинками родной дочки и довести до исступления очаровательной глупостью миленькой офисной курицы.

Содержание

Часть первая	5
Работа 1	5
Работа 2	10
Работа 3	14
Работа 4	20
Работа 5	25
Работа 6	31
Работа 7	37
Работа 8	43
Часть вторая	48
Работа 1	48
Работа 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роман Хаер

Бравая служба

Роман

*День – зачарованный странник,
Я никого не послушал.
Я – как мальчишка-карманник.
В чей бы карман сунуть душу?*

Часть первая

Предварительная работа

Работа 1

Уговорная

*Цены-то у вас хорошие, а вот средства пахнут дурно...
Запись в книге жалоб магазина бытовой химии*

Меня зовут Тим. Пользуясь случаем, передаю привет всем, кто меня знает (радостно улыбаюсь и машу рукой). Тем же, с кем я до сего момента знаком не был, кратенько представлюсь.

Начну, пожалуй, с того, что я – джисталкер. На фоне остальных представителей моей профессии я выделяюсь великолепной подготовкой, редкостной удачливостью и, самое главное, скромностью. Как вы уже поняли, это я пытаюсь шутить. На самом деле ничем особо среди прочих джисталкеров я не выделяюсь. Кстати, шутить у меня получается лучше всего на свете (да и нравится больше всего), и если бы мне действительно везло в жизни, то я сейчас был бы всемирно известным юмористом или сатириком (а может быть, и просто «глупым клоуном», как говаривала моя дочь в возрасте четырех лет). Но почему-то частенько над моими шутками смеюсь я один (зато очень заразительно смеюсь, так что все вокруг улыбаются и крутят пальцем у виска в знак поддержки), и это меня останавливает, не давая бросить все и уйти выступать на сцену или арену. Так что смешу я в основном своих друзей-компаньонов (по совместительству бывших одноклассников) – Александра и Дмитрия. За шоу, которые ваш покорный слуга время от времени устраивает в офисе, меня и терпят, иначе давно выгнали бы на улицу. В принципе это справедливо – ребята тянут всю основную работу офиса (делопроизводство, бухгалтерию), а я просто шатаюсь по мирам в свое удовольствие (рискую шкурой и притаскиваю им в клювике всякие ценности).

Последние несколько лет, после известных событий, я специализируюсь по миру Ворк, причем считаюсь чем-то вроде эксперта как по Этой, так и по Той Сторонам. Если уж говорить до конца откровенно, ничего особо выдающегося я там не совершил. Бегал, добывал вещицы для клиентов, попутно обзаводился друзьями среди местного населения, а в результате оказалось, что полезных знакомств в мире Ворк у меня значительно больше, чем на Земле-матушке. Причем, что характерно, знакомые и друзья в другом мире у меня достаточно высокопоставленные, имеющие значительный вес (и не только в переносном смысле этого слова, если говорить об ограх) в обществе. На Земле все наоборот – серьезные, весомые ребята у меня в друзьях

почему-то не задерживаются, разве что один главный бухгалтер с килограммами собственного веса не подвел, но это исключение, лишь подтверждающее правило. Да и в роли просто знакомых сильные мира сего у меня пребывают недолго и забывают о существовании некоего джисталкера достаточно быстро (может, потому, что я не люблю лишний раз о себе напоминать?), хоть и частенько пересекает меня судьба с достаточно весомыми людьми (вот привязалось словечко-то, все – о весе больше ни слова, разве что какой-нибудь весомый аргумент все не перевесит!).

Ну, вот и все о себе, в принципе. Вступительную часть считаю полностью завершенной, так как больше мне рассказывать абсолютно нечего. Перейду к собственно повествованию.

А закрутилось все с того, что ко мне в гости заявился не кто-нибудь, а моя великолепная дочь собственной персоной. Сейчас моей крошке (рост сто восемьдесят пять сантиметров, четыреста пятнадцатая ракетка мира, черный пояс в трех видах восточных ногомашеств и рукодрыжеств) восемнадцать лет, и, когда я иду с ней по улице, нас принимают за влюбленную парочку. (Это я себе лыщу, хотя для своих тридцати семи выгляжу на все сто! Что-то я опять не то сказал...) Наши отношения от полного и безграничного единения в ее тринадцать (чудоребенок, просто ангел!) скатились к серьезному вооруженному противостоянию в пятнадцать (жуткое зеленоволосое чудовище, вся в заклепках на ноздрях, щеках и ушах) и вернулись к уважительному взаимопониманию к ее семнадцати годам (не девушка она сейчас, а картинка – горжусь!), так что я переживаю ренессанс отцовско-дочерней любви.

В тот раз мы решили никуда не ходить и расположились на лоджии, попивая ароматный чай, который я научился особым образом заваривать в мире Ворк, когда работал во льдах северного побережья у светлокожих варваров, – очень уж они искушены в заваривании любого травяного напитка. Говорили мы, естественно, о будущем месте работы Арины. Дело в том, что дочь не так давно окончила колледж, название которого постоянно вылетает у меня из головы (что-то там по современному менеджменту), получила начальное высшее образование и сейчас пробовала себя на разных рабочих местах.

Кстати, об образовании. Раньше, говорят, обучение в разнообразных заведениях в основном сводилось к выучиванию, или, как тогда выражались, «прохождению», большого количества общеобразовательных предметов. Тогда даже шутка такая ходила в научной среде, перекажу коротко.

Пришел как-то Резерфорд (не путать с Рокфеллером, это из другой области) к одному из своих помощников и увидел его за составлением какого-то списка.

– Что это ты там пишешь? – спросил великий ученый.

– У меня освободилось место лаборанта, а желающих поработать в лабораториях великого Резерфорда очень много, – отвечает помощник. – Вот я и составляю список вопросов к претендентам.

– Ну-ка дай посмотреть. – Резерфорд взял список и стал читать вопросы. – Это надо посмотреть в справочнике, это глянуть в другом справочнике, это в учебнике посмотреть можно, – тихо бормотал великий ученый, читая вопросы к претендентам на место лаборанта в одной из своих лабораторий. Прочитав все, он вернул список помощнику и горько заметил: – Меня бы ты на работу точно не принял...

Это, конечно, шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Раньше образование минимум на пятьдесят процентов сводилось к выучиванию. Сейчас зубрежкой занимаются только дети до десяти лет, с целью общего развития. Образование нынче включает в себя не столько знания (выучить при помощи трикетов разного уровня и вида можно все), сколько умение этими знаниями пользоваться. Так что теперь начальное образование дети получают одинако-

вое, далее выбирают колледж и в течение года получают начальное высшее. Потом они должны отработать пару лет «молодыми специалистами» и далее решить для себя – их ли это дело на всю оставшуюся жизнь. Если выбор молодых людей устраивает – они идут совершенствоваться дальше, получая полноценное высшее.

Раньше, говорят, дети сразу после школы шли в институты и получали полное высшее образование. В результате потом по специальности начинали работать меньше десяти процентов выпускников – и это считалось нормальным явлением! Получается, девяносто процентов времени преподаватели в институтах тратили зря? В голове такое ужасающее расточительство не укладывается. Ладно, преподаватели (хотя я бы при такой отдаче работать отказался наотрез), но и сами дети пять-шесть лет жизни упорно получали знания, которые им просто не нужны! Странно был тогда мир устроен. Ну, может, у меня сведения неполные, утверждать не буду – давно все было, сейчас об этом историки такого понапридумывают...

* * *

По спортивному направлению дочь в свое время решила не идти, ее мама (моя бывшая жена) надавила на ребенка авторитетом, и девочка закончила колледж по менеджменту. Вот теперь мы вместе с ней и мучились, выбирая будущую любимую работу.

– А что твоё увлечение мерчендайзингом? – вежливо поинтересовался я, на самом деле смутно понимая, что означает это понятие.

– Пап, нет такого слова, – улыбнулась дочь, снисходительно относясь к моей плохой ориентации в современных реалиях. – Это должность такая в отделах продаж – мерчендайзер.

– Ясно, – хлопая глазами, сказал я, делая вид, что увлеченно дегустирую чай. Но потом не выдержал и спросил: – А что там с треш-логистикой?

– Да тоже не по мне, – задумчиво ответила дочь, по счастью не спросив меня, знаю ли я, что такое треш-логистика.

«Это, наверное, такая логистика по трешу. Хотя что такое треш и зачем о нем надо думать – непонятно. Или думают вроде логисты, а логистики прокладывают маршрут?» – пришла в голову странная мысль, и мы с Ариной замолчали, попивая вкусный чаек и предаваясь тяжелым мыслям.

– И супервизором быть не хочу, да и супервайзеры мне не по душе... – пробормотал мой ребенок, нахмутив бровки.

– Понятно, – солидно покивал я, в душе искренне надеясь, что сделал подобающее выражение лица и по мне сразу видно – этот человек хорошо разбирается как в супервизорах, так и в супервайзерах (того, кто придумал такие неудобопроизносимые названия, прибил бы к офисному стулу собственноручно, хоть я и не сторонник физических расправ).

– Пап, мне, конечно, перед тобой очень неудобно, но я по делу пришла, – наконец решилась Арина, как будто я по ней и так не видел, что она очень хочет что-то у меня попросить.

– Да ладно, доча, все нормально, – улыбнулся я. – Сколько тебе надо на этот раз?

– Нет, пап, деньги мне сегодня не нужны, – серьезно ответила девочка и взглянула на меня моими же глазами (как из зеркала сам на себя взглянул).

– Говори уже, не томи, – тут же растаял я, подумав: «Как же я люблю свою дочь».

– Мне можешь помочь только ты, – сказала Арина, и я очень удивился, когда понял: к этой речи она готовилась и даже репетировала ее перед зеркалом, а значит, предстояло что-то очень серьезное, с ее точки зрения (обычно она репетирует перед зеркалом только деловые выступления, отношения с единственным отцом в эту категорию до сего момента не входили ни разу).

– Заинтриговала, – сразу погрузстнел я, почуяв неладное, и, пытаясь оттянуть неизбежное, предложил: – Может, еще чайку?

– Пап! – укоризненно нахмурился мой ребенок.
– Все, понял, – тяжело вздохнул я. – Говори уж...
– Не хочу я работать в офисе! – решительно заявила Арина.
– И это я уже понял, – грустно пробормотал я.
– Я хочу быть... – Тут дочь сделала паузу (я в страхе затаил дыхание), сверкнула глазами и выдала: – Магом!

– Уф, слава богу! – не сдержал я облегченный выдох, так как очень боялся, что Арина скажет: «Джисталкером!» Потом до меня дошло, какое слово сказала дочь, и я поперхнулся чаем.

Когда суета на лоджии, сопровождаемая стуком по моей спине (вот у дочери рука тяжелая, я вам доложу!), закончилась и я смог привести себя в относительный порядок, мы снова вернулись к неспешному беззаботному времяпрепровождению, а разговор тем временем пошел на новый виток.

– А ты чего боялся? – ехидно улыбаясь, спросила Арина, налив в заварочный чайник кипятка. – Что я к тебе в ученики джисталкера пришла напрашиваться?

– Ну... – замялся я, не зная, как выразить чувства, возникшие у меня при мысли о том, что дочь надо будет вводить в круг моих знакомых в мире Ворк.

– Да ты не переживай, я же не совсем у тебя дурочка, – сверкая глазами, сказала Арина.

– Ну, дочь, ну что за выражения? – обиженным голосом протянул я, войдя в привычный образ идеального отца.

– Извини, пап, – так же привычно отмахнулась от меня Арина и продолжила: – Я же знаю, что такое «конфликт ролевого поведения».

Тут я снова поперхнулся чаем и вынужден был опять прибегнуть к умению четыреста пятнадцатой ракетки мира, да еще и черного пояса чего-то там с окончанием «до», стучать по моей спине (надо сказать, лупит здорово!).

– Ты не знаешь, что означает этот термин? – в процессе приведения моих дыхательных путей в порядок поинтересовалась Арина. – Я тебе сейчас расскажу!

– Кхе-на-кха, – попытался возразить я, но дочь вошла в раж и, продолжая лупцевать меня по спине, начала говорить.

– Ну, например, на дискотеке я очень вызывающе танцую (бабах!). А с тобой я примерная дочь. – Поглядев на мои выпученные глаза, девочка еще раз врезала мне по спине и продолжила: – И если бы ты пришел на дискотеку, где я танцую, то у меня бы возник «конфликт ролевого поведения», понятно (бабах!)?

– Понял! – крикнул я, в этот момент обретя возможность говорить. – И хватит бить отца!

– Извини, пап, – покладисто согласилась доча, потупив глазки, ну чистый ангелочек.

– Ты лучше скажи, с чего это вдруг ты решила, что можешь стать магом? – задал я наконец действительно интересующий меня вопрос, потирая отбитую спину. – Насколько я знаю, на Земле в данный момент не функционирует ни один действующий маг, да и раньше таких случаев, если мне память не изменяет, не было. Не бывает у нас магов, не зафиксировано в надежных источниках ни одного на протяжении всей человеческой истории – ты в курсе?

– Да знаю, но есть же шанс. – Девочка посмотрела на меня, нижняя губа у нее задрожала, и на глаза навернулись слезы. – Я себе никогда не прощу, если все это пройдет мимо. Я чувствую: я могу стать магом!

– Ты только не реви, – предупредил я, но было уже поздно. Как говаривала в таких случаях бабушка: «Разверзлись хляби небесные...» – Ладно, все, что надо, сделаю, не плачь, – уже через минуту бормотал я, прижимая к груди голову любимой дочери, при этом ворот моей рубашки был насквозь мокрый. – Все у тебя получится, и ты станешь первым магом в человеческой истории.

Техничная дочь, не переставая реветь в три ручья, подсунула мне мобильник, и я, не отрывая ребенка от отцовской груди, набрал знакомый номер.

– Привет, негодяй, – буркнул я, когда соединился с абонентом и увидел сочувствующее лицо Сани. Показав взглядом на голову, покоящуюся на моем плече, я грозно нахмурился и спросил: – Твоих рук дело?

– Привет, Тим! Нет, как ты мог такое подумать! – проорал Александр, и я сразу понял, что доля его участия в этом деле достаточно приличная. – Мы же друзья!

– Негодяй ты законченный все-таки. Ладно, я согласен, фиговое дерево с вами и на всех на вас. Оформляй там все, – грустно ухмыльнулся я, не выдержал и выругался: – Якорный батор...

– Тим, все сделаем в лучшем виде! – радостно заорал Саня. – Ты не сомневайся!

– Уже наделали, деятели. Бывай здоров... – хмыкнул я и дал отбой.

– Ты самый лучший папочка на свете! – просияла, как электрическая лампочка, моя девочка и радостно чмокнула меня в щеку. Слезы к этому времени, естественно, уже высохли, и дочь забегала по лоджии, наливая нам в кружки свежесваренный чай.

– Чем тебя купили-то? – с грустной улыбочкой поинтересовался я.

– Поступление на первый курс без экзаменов и последующее обучение без оплаты! – радостно призналась Арина.

– Серьезно, за такое предложение единственного отца продавать в рабство имело смысл, – согласился я. – Но ты понимаешь, что это может быть очень нескоро, возможно через много лет?

– Я согласна ждать хоть целую вечность! – воодушевленно пропела дочь.

– А если склонности к магии у тебя не будет, что тогда делать?

– Папа! Не начинай опять! – сердито прикрикнула девочка, сверкая глазами.

– Ладно, шучу, – тут же сдал назад я и пропел свою любимую мантру: – Все у нас получится.

– Я знаю! – согласилась со мной дочь и продолжила хлопотать по хозяйству.

Через пять минут мы сидели в креслах и молча пили чай. На лице у Арины застыло мечтательное выражение, и я впервые за последний год видел задумавшуюся дочь не насупленной и озабоченной из-за свалившейся на ее голову взрослой жизни, а тихонько-восторженной, как в детстве перед Новым годом, в ожидании Деда Мороза. От этого на душе было легко и грядущие хлопоты не казались такими уж ужасными.

Потом я посмотрел на Москву, снующую за окном. Что-то (наверно, та часть тела, которая сейчас покоилась в кресле-качалке) подсказывало, что с этого момента таких спокойных минут в моей жизни с каждым новым днем будет все меньше и меньше. От судьбы, как и от пули снайпера, далеко не убежишь – есть только шанс больше устать перед логическим концом такого бегства.

«Спокойная жизнь закончилась», – пришла в голову пророческая мысль, в чем впоследствии я неоднократно успел убедиться.

Работа 2

Рекламно-предварительная

*А как известно, мы народ горячий!
И потому всегда везде косячим...*

*Песня из м. ф. «Бременские музыканты», в переводе
на гоблинский*

На самом деле все началось конечно же гораздо раньше. Года два-три назад господа бюрократы издали наконец-то очень удобный указ, который еще более примирил меня с современными делопроизводственными реалиями. Теперь отчеты о проделанной работе джисталкеры могут сами не сдавать. Информация, снятая с записывающих устройств внутри трикетов, после корректировки самим джисталкером (на тайну личной жизни, слава небу, никто пока не претендует) передавалась юристу, и уже он имел полное право идти в джисталкерский комитет для сдачи отчетности. Надо ли говорить, что я тут же спихнул эту почетную обязанность на Александра и Дмитрия? Впрочем, ребята не сильно возражали, тем более что вскоре очереди, ранее состоящие из хмурых джисталкеров, периодически начинающих буяннить и уважающих только бодигардов с винтокрылами, сменились приветливыми колоннами бухгалтеров и юристов в черно-белых одеяниях. Телохранителей с винтокрылами, которые ранее несли службу у дверей практически каждого кабинета, массово сократили, сэкономив огромное количество денег, которые высокопоставленные бюрократы тут же использовали на неизвестные мне (да и вообще никому лишнему) нужды. В результате этого я сделал интересное жизненное наблюдение: не только благие цели оправдывают любые средства, но и благие средства порой оправдывают любые цели.

Конечно же ничего совсем уж идеального в жизни не бывает. Вот и то, что мне теперь не приходится самому тратить по пять часов после каждого прыжка на ненавидимое всеми фибрами души занятие, имеет и свою неприятную сторону. Неприятности от этого, без сомнения, положительного момента в мою жизнь привносит человеческий фактор, а конкретно мой друг и бывший одноклассник Александр – по совместительству директор обслуживающей мою работу конторы.

Хотя конечно же произошедшая метаморфоза в отделе приема отчетностей джисталкерского комитета вполне понятна. Вместо нелюбимых джисталкеров коридоры отдела заполнились приветливыми юристами, делопроизводителями и бухгалтерами, и сразу (как же иначе среди наших-то людей) возникло поле различных микросообществ, групп и просто знакомых, именуемое емким словом «тусовка». Александр в этом информативном поле чувствовал себя как рыба в воде, и, естественно, на мою голову посыпались предложения, часто в виде уже готовых контрактов, под которыми оставалось только поставить мой автограф.

Девяносто процентов таких предложений являлось полной и абсолютной чушью, которые я с улыбкой отвергал. Оставшиеся десять процентов делились следующим образом.

Из-за пяти процентов я орал на Саню, да с такой мощью, что все стекла в нашем офисе звенели; три процента заставляли меня садиться в уголок и горько плакать; один процент (в случае большой суммы контракта) надолго уводил меня в подполье и отключал мобильник, а Саня с Димой начинали караулить меня у подъезда; оставшийся один процент я самым серьезным образом изучал.

Далее этот процент делился так: в половине случаев я снова орал на Саню и наотрез отказывался от предложения, оставшаяся половина делилась почти поровну на плач и подполье. И только в одном проценте от оставшегося процента (что-то я сам запутался, словом, один раз из тысячи) я отправлялся выполнять контракт.

Саня про весь этот ужас говорил, что, мол, все нормально – обычное дело, называемое «воронкой проектов». Для того чтобы получить деньги по одному контракту, надо заключить их десять штук, при этом вести переговоры на предмет подписания ста договоров. Намекал, что до меня доходит всего один проект из десятка предложенных ему.

В бизнесе я разбираюсь слабо, поэтому особой благодарности за это не испытываю, а вот неприятности – они очень даже на виду, так что злюсь я вполне, на мой взгляд, обоснованно. Примиряет меня с этим фактом только одно: если я сбегу от ребят, то кто же оценит мой неподражаемый юмор? Они моя единственная зрительская аудитория, так что я, как подлинный творец, люблю своих зрителей и готов прощать им многое за признание моего, не побоюсь этого слова, необъятного и искрометного таланта.

В один из деньков, ничем особо не примечательных, зашел я в офис к ребятам, текущие какие-то бумажки подписать. В офисе сразу почуял – что-то тут не так.

– Тим, привет! – проорал Саня, ласково глядя на меня (что-то подозрительно ласково, я вам скажу).

– Здорово, – прогудел Дима, тоже не отрывая глаз от моей скромной персоны, впервые за много лет произнеся приветственное слово в стенах офиса, при этом не глядя в свой монитор.

– У меня тут дела образовались, – пряча глаза, пробормотал я и попробовал улизнуть. – Завтра загляну...

– Стоять-бояться! – тут же завопил невысокий глава предприятия, и глаза на полненьком личике Сани чуть не выскочили из орбит. – Мы тебя тут ждем, понимаешь...

– Ну, ты погодь, – начал бубнить холм мяса и жира, по какому-то капризу судьбы олицетворяющий в офисе бухгалтерию. – Только зашел и сразу уходишь...

– Что-то вы сегодня очень вежливые, не иначе какую-то пакость замыслили, – подозрительно буркнул я, опасливо зыркаящий от двери на одноклассников и готовый в любую секунду задать стрелкача. – Знаете же, что я боюсь вас таких, зачем человека пугаете?

– Да в мыслях такого не было! – радушно выкрикнул Саня, и я еще более утвердился в своих подозрениях.

– Как ты мог о нас так плохо подумать, – улыбаясь, добродушно проворчал Дима, и сирена опасности в моей голове загудела на полную мощность, крича свой «аларм» уже на запредельных частотах.

– Могут же быть у человека неотложные дела... – возмущенно выдохнул я, развернулся и схватился за ручку двери, намереваясь в ближайшее время укрыться в каком-нибудь безопасном местечке и переждать там дня три, как минимум.

– Ладно, раскусил ты нас, – буркнул мне в спину Дима, заставив замереть на пороге. – Предложение очень приличное нам сделали...

– Да какое предложение! – заорал Александр, когда я уже перешагнул порог и готовился закрыть за собой дверь. – Целое огромное предложеньище! Такого раньше не было никогда!

– Правда, ничего подобного никогда раньше не предлагали, – буркнул Дима вдогонку, я услышал его через прикрытую за собой долей секундой раньше дверь, и только это заставило меня вернуться. Дима никогда не врал, и меня зацепили на примитивном любопытстве.

«Выслушаю, о чем идет речь, а потом сбегу», – твердо решил я и снова зашел в офис.

– Выкладывайте, что там у вас, – разрешил я и, глядя на то, как засуетились приятели-предприниматели, строго добавил: – Только быстро, у меня дел полно!

– Нам сделали предложение, от которого нельзя отказаться! – радостно выдал Александр где-то услышанную им фразу, имея в виду будущие сверхприбыли.

– Это меня и пугает больше всего, – скептически хмыкнув, ответил я, вспомнив методы чикагской мафии тридцатых годов двадцатого столетия, убедительные просто до невероятности.

Идея прозвучала, без сомнения, космическая по своим масштабам. Некая частная фирма (контора того самого Гнома, которому принадлежат огромные «Гном-маркеты» всего мира, расположенные в каждом мало-мальски заметном городе планеты), совместно с рядом государств, в число которых входила Россия, задумали грандиозный проект. За основу взята мечта Гнома, первого джисталкера Земли, – привнести в наш мир магию. Идея эта долго вынашивалась в недрах «Гном-корпорации», и вот недавно наконец была представлена на рассмотрение всем крупным мировым державам. Из всего спектра миров, в которых практикуется магия, был выбран мир Ворк, из-за того, что принципы изучения магической науки там максимально приближены к нашему университетскому образованию (имеется в виду – в сравнении с другими магическими мирами, где царит мракобесие и многочисленные «темные властелины» и «светлые господа» не дают спокойно жить простым ребятам). Было решено организовать в мире Ворк учебное заведение, где могли бы получать магическое образование люди с планеты Земля. Все расходы брала на себя частная корпорация – а это просто невероятные деньги, одного джитазы на поддержание пребывания там обслуживающего персонала института, студентов и администрации уйдет в год на сумму, сопоставимую с бюджетом средней европейской страны.

Но блестящая идея, как всегда, имела из рук вон плохое воплощение. Во главе встали политики, больше думающие о голосах избирателей, чем о деле. Объявлены какие-то конкурсы на должности, тендеры на поставки, вакансии на выполнение поручений – словом, полный бюрократический ужас во всем его международно-транснациональном проявлении. И мои приятели-предприниматели предложили мне участвовать во всех этих тараканьих бегах! Надо было мчаться сломя голову и свесив язык на плечо, чтобы доказать какому-то политику, о существовании которого до сего момента никто из присутствующих не слышал, что я – лучший специалист в своей области и обязательно должен поучаствовать в этом проекте.

– С головой надо дружить, хотя бы иногда, – грустной фразой начал я свою ответную речь, когда ребята вывалили на меня всю информацию.

– Не, Тим, там все очень серьезно, – широко открыв глаза, завопил Саня. – Такой размах! Столько денег вбухано!

– Документы, выставленные на официальном сайте, я посмотрел, – пробубнил следом Дима. – Как говорится, комар носа не подточит...

– А как насчет того, чтобы подключить к делу свою голову на секунду? Или средства массовой информации, запустившие биты и байты в вашу систему восприятия, заменили ими движения нейронов в головном мозге? – витиевато выразился я, хотя хороших ударов по голове давно уже не получал (не иначе количество перешло в качество, и теперь я буду всегда говорить и мыслить так же мудро, как недавно ударенный по голове).

На ребят фраза тоже произвела впечатление, и они озадаченно замолчали. После этого я методично, по пунктам, расписал все будущие шаги организаторов этого колоссального проекта. Потом немного поразмыслил и так же неспешно рассказал, из-за чего все развалится. И вовсе не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять, ибо всегда и все решают кадры, – об этом знали во все времена, и только с развитием цивилизации пытаются заслонить эту очевидную истину дешевым лозунгом: «Незаменимых нет». Уровень любого учебного заведения держится только на одном: курсы читают высококлассные специалисты в этой области. А где

уважаемые товарищи политики собираются их брать? Я лично знаком со многими теоретиками и практиками от магии мира Ворк, и скажу вам прямо: с каждым из них договориться о чем-либо – это целое искусство. И высококлассным магам глубоко наплевать на любые авторитеты, тем более авторитет земных политиканов, о существовании которых они даже не подозревают. Естественно, четкой программы, где и как будут завербованы преподаватели для будущего маг-института, представлено не было (склонен предположить, что такая программа вообще отсутствовала в природе).

Через полчаса моей гневной отповеди энтузиазм покинул ребят, интенсивность восторженного красного цвета лиц немного спала, и я, спокойно подписав необходимые бумаги, отправился восвояси.

* * *

Как выяснилось чуть позднее, я угадал почти по всем позициям. За полгода проект полностью развалился. Единственное, чего я не учел, – это серьезности подхода к делу «Гном-корпорации». Как я узнал значительно позже, первая попытка с привлечением политических структур и открытых тендеров была даже не пробным шаром, а вполне осмысленной диверсионной акцией, четко спланированной и рассчитанной на провал. Таким образом, отсекали целый пласт ненужного интереса к предстоящему делу у структур, которые ничем помочь не могут, но обязательно вцепятся и повиснут на плечах организаторов мертвой хваткой, желая въехать в рай на чужом горбу, при этом приписав себе все заслуги.

Новый этап действий корпорации, детища первого джисталкера планеты, шумом не отличался. На этот раз участие мировых держав заключалось только в скромном наблюдении со стороны спецслужб. В Москве (и не только там, как я узнал позднее), прямо в здании джисталкерского комитета, открылся огромный этаж-пентхаус, в котором засел филиал некоей международной корпорации под названием «Гноминст». Филиал тут же запустил процесс, который в деловом мире называется «охотой за головами». И вскоре под пристальный интерес этого хедхантерского агентства попал и джисталкер, которого называют Тим, то есть я – ваш покорный слуга...

Работа 3 Охотничья

*Сколько веревочка ни вейся —
Концы все равно в воду.*

Салат из пословиц

О том, что меня уже обложили, как волка-одиночку, и гонят мимо красных флажков на номера затаившихся охотников, я долго не догадывался и спокойно продолжал заниматься своими обыденными делами. В принципе, как я сейчас вижу, все необходимые звоночки предупреждения были сделаны, и я мог бы подготовиться к предстоящей схватке с хед-хантерами почти на равных, но, как говорится, задним умом все сильны. Судите сами.

Сначала мне на почту пришло письмо с предложением от корпорации «Гном-инст». Покаюсь, я его не прочитал и привычно засунул в спам-контроль, где оно, наверно, до сих пор пылится среди тысяч уведомлений о выигрыше миллиона еврази, выгодных предложений по семейно-сексуальному отдыху и заманчивых намеков на бесплатную возможность увеличения некоторых частей тела. По-видимому, корпорация этот мой шаг расценила как акт объявления войны, и сезон охоты на меня был открыт.

Следующим шагом многоходовой охотничьей комбинации явился вызов во все тот же джисталкерский комитет. Неожиданно улыбочивый клерк чрезвычайно вежливо попросил меня поставить автограф на какой-то совершенно незначительной бумажонке, потом очень незаметно испарился из кабинета, и я оказался тет-а-тет с приветливым господином средних лет, который очень доброжелательно изучал мое лицо сквозь богато поблескивающие стекла, заключенные в невероятно ценные оправы умопомрачительно солидных очков.

– Я могу быть свободен? – иронично вздернув бровь, поинтересовался я.

– Конечно, вас никто не задерживает. – Радующие просто зашкаливали за черту разумности в голосе респектабельного человека, что послужило спусковым крючком для моих решительных действий.

Как позже выяснилось, я тогда сделал одну из самых грандиозных ошибок в противостоянии человека и системы – повел себя нестандартно. Мне надо было бы наброситься на солидного дядю с ливнем вопросов, проявить заинтересованность, уважение и восторг – словом, не выделяться из толпы. От души повилиять хвостиком – глядишь, и пронесло бы. Я же поступил самым неправильным способом – после этих слов встал и, не прощаясь (а зачем прощаться, если мы не здоровались), покинул кабинет. Это очень заинтересовало господина, который в иерархии «охотников за головами» «Гном-корпорации» находился на довольно высокой ступени.

Следующим сигналом, предупреждающим о приближающейся опасности, можно считать звонок мобильного, который нарушил мой покой следующим утром. Я уже сделал утренний комплекс разминочных упражнений, четвертый десяток на исходе как-никак – сухожилия уже не те, забота им нужна (с грустью почувствовал, что в моем организме есть связи, где-то после тридцати пяти), и спокойно пил чай, когда мне позвонил Роман Гель-младший собственной персоной. Сказать, что я удивился, – это ничего не сказать. За последние пять лет Рома позвонил мне всего два раза, включая этот.

– Привет, Тим, – весело улыбнулся мне погрузневший невысокий Рома. Высокоуровневый бизнес отложил отпечаток на парня: мешки под глазами, десяток лишних килограммов веса и пронизывающий взгляд капиталистического хищника – все это не украшает хомо сапиенса, во всяком случае, внешне уж точно. – Ты не меняешься, как замороженный просто.

– Ладно хоть не отмороженный, – хмыкнул я в ответ. – Привет, Роман. Как жена, как дети?

– Спасибо, нормально все. Недавно тебя вспомнили со Светланой, когда свадебные фотографии просматривали. Света с «Камнем Света», – сказал Роман, и цепкий взгляд бизнесмена на секунду превратился в одухотворенный взор поэта. Впрочем, мгновенно произошла обратная метаморфоза, и меня снова окинула оценивающим взглядом акула империализма. – Что звоню-то. Предупредить хочу – серьезные ребята тобой интересовались.

Вот за что люблю наших людей – так это за взаимовыручку. Мы можем подраться, нечаянно наступив на ногу соседу в толкотне Телеполитена. Можем ругаться в очереди на оплату коммунальных услуг и вообще часто ведем себя как волки в стае – грыземся, влаиваем и воем друг на друга. Но если человеку рядом грозят серьезные неприятности, наши люди, возможно, вмешиваться и не будут, но предупредят обязательно. Говорят раньше, когда вся страна боролась со страшной службой ГАИ (чем, правда, эта служба занималась, точно не скажу, но сатрапов и душителей в истории нашей родины всегда было вдоволь – опричнина, царская охранка, НКВД, КГБ и вот ГАИ, наверно, тоже), так вот, о присутствии этих жутких мракобесов на их пути наши люди предупреждали друг друга миганием фар старинных авто. И это далеко не единственный факт истории взаимовыручки моей любимой родины, что Рома сейчасшний раз и подтвердил. Но когда есть проблема с мозгами, не всякое содействие может помочь человеку, и это наглядно продемонстрировала моя реакция на звонок Романа.

– Понял, – ухмыльнулся я, хоть ничего толком и не понял.

– Люди серьезные настолько, что я рядом с ними совсем несерьезный, – попробовал еще раз достучаться до моего головного мозга финансовый магнат, но серое вещество в моей голове в тот момент оказалось надежно защищено от постороннего воздействия, в том числе и от умных слов.

– Спасибо, Роман, я все понял, – продолжал глупо улыбаться я, думая о том, что Роме надо посещать спортзал хотя бы раз в неделю.

– Это хорошо, – в ответ улыбнулся олигарх, видимо отчаявшись достучаться через мою лобную кость до самого головного мозга.

Мы перекинулись парой общих фраз, попрощались, и Рома дал отбой.

Как в насмешку, мобильник зазвонил снова, и через секунду я уже говорил с Борисом Кузнецом.

– Тимчик, приветик, – пропищал гениальный кузнец-коллекционер. – Тут такое дело... Интересуются тобой.

– Привет, Борис, – ответил я, гадая, зачем мне только что звонил Роман. – Надеюсь, интересуются моими делами, а не частями моего тела. В последнем случае гони их подальше.

– С тобой нельзя серьезно разговаривать, клоун, – рассердился Борис и тут же глуповато хихикнул, что лишний раз убедило меня в том, что неотразимое чувство юмора живо во мне до сих пор, несмотря ни на что. Впрочем, Кузнец сразу встряхнулся и еще раз попробовал до меня достучаться: – Все наши контракты недавно перелопатили. Мне тихонько сообщили друзья о пристальном интересе серьезных людей, и я сначала решил, что под меня копают. Потом оказалось – интересовались только нашими с тобой общими делами. Вот я и позвонил, чтобы тебя предупредить...

– У нас с тобой, уважаемый Борис, нет ничего общего. Я высок, красив и умен, а ты невысок, над златом чахнешь и вообще жмот и жлоб, – ухватился я за словосочетание «нашими общими», все остальные слова пропустив мимо ушей, и понесло меня в юмористическую сторону.

Кузнец еще разок хихикнул, попрощался и дал отбой.

После этого я выкинул оба разговора из головы и отправился в компьютерный клуб «Динамо». Там в тот момент проходил очередной чемпионат мира по компьютерным стрелькам, и я хотел поболеть за наших, а потом размяться в виртуальном огневом контакте. В свое оправдание скажу только одно: сама мысль о том, что мной можно серьезно заинтересоваться на предмет долговременного сотрудничества, мне в голову просто не пришла. С самого начала моей работы в качестве джисталкера я создал себе имидж капризного удачливого одиночки – таких людей в команды зовут редко. Вот и притупилось мое чувство опасности, за что я в конце концов и поплатился. А хотя вполне возможно, что это произошло потому, что Борис и Роман мне только позвонили. Зашли бы в гости, поговорили бы по душам – глядишь, все по-другому бы сложилось. Дозвониться гораздо проще, чем достучаться, но проще – это вовсе не означает, что качественнее. Душевности в нашей жизни не хватает... Впрочем, что-то я отвлекся.

После клуба заглянул в офис, и там меня ждала неожиданность, которую затрудняюсь квалифицировать, но к приятным ее (эту неожиданность) отнести никак не могу.

– Привет, Тим. А нас с Димочкой на работу пригласили, – заявил Саня, как только я перешагнул порог офиса. – В крупную компанию.

– Там один мой месячный оклад, без учета подъемных и премиальных, в два раза больше прибыли нашей конторы за прошлый год, – буркнул Дима, пряча глаза. – Так что особо думать не приходится.

– Поздравляю вас, парни, – искренне порадовался я за ребят, хоть в душе немного и кольнуло, так как привык я к ним. – За меня не волнуйтесь, не пропаду. Давайте отпразднуем долгую совместную работу. Но накрыть стол придется – банкет за ваш счет!

– погоди, – прервал меня Саня, на секунду замялся, а потом выдал: – С одним условием нас с Димочкой берут: ты тоже должен туда же на работу устроиться, в другой отдел только.

– Причем твоя зарплата больше, чем мой и Санин оклад, вместе взятые, – тут же завистливо пробурчал Дмитрий. – Так что я уже документы готовлю...

– На следующей неделе на работу все вместе выйдем, – растянул в улыбке физиономию Саня.

После этого последовала сцена, о которой я не люблю вспоминать. Двадцать пять лет занятий единоборствами оказались мной мгновенно забыты от возмущения. Хотя, в принципе, я до этого момента в последний раз дрался в далеком детстве, по-моему, как раз с Саней. Нам было по двенадцать лет, и эта сволочь рассказала Ольке из шестого «Б» о том, что она мне не безразлична (подлый предатель). Мои последующие занятия рукошашествами и ногодрыжествами, черные пояса, выигранные любительские чемпионаты города, дальнейшая шлифовка мастерства десятилетиями спаррингов с сэнсэем Андреем и боевые столкновения в других мирах к дракам никакого отношения не имеют. Настоящая драка – это когда двое стоят друг напротив друга, толкают (не сильно, но очень вызывающе) оппонента в грудь и кричат что-то типа: «Я тебя сейчас урою, козел!»

Разнял нас, как и четверть века назад, огромный Дима, который просто встал между нами. После этого приятели-предприниматели признали свою неправоту, на свет была вытащена бутылка водки, и мы отпраздновали примирение. Надо сказать, после этого парни по-прежнему периодически пытались вернуться к вопросу трудоустройства в крупную фирму, но уже достаточно корректно, и попыток «без меня меня женить» больше не предпринималось.

После этого случая до меня наконец-то дошло то, что охота ведется грамотная и обложили меня по всем направлениям. Постепенно я начал ощущать это давление, но присутствия духа не терял. К деньгам я всегда относился философски: есть – хорошо, нет – тоже неплохо, из-за отсутствия лишних искушений. Да и не являлись деньги большой проблемой: за время работы вольным джисталкером я добыл несколько серьезных вещичек, за которые мне были

заплачены неплохие суммы, – в принципе, я бы мог больше никогда не работать и до глубокой старости существовать безбедно. Но при одной мысли об этом мне становится грустно, так что давайте обойдем эту тему. Да и если бы, как в дурацком голливудском фильме, жутким полугосударственным преступникам удалось бы заблокировать мою кредитку и лишить всех честно нажитых денег (хотя, по-моему, это бред собачий) с целью шантажом заставить меня выполнять работу – со мной такой номер бы не прошел. С голоду из моих знакомых никто так ни разу почему-то и не помер – о чем еще можно всерьез беспокоиться? Денег бы снова заработал, а не дали бы работать по специальности – пошел интерактивным оператором вагоны разгружать (я зверек маленький, но гордый – в неволе не танцую). Так что до поры до времени мне без особых проблем удавалось избегать сетей «охотников за головами» «Гном-инста».

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о моей необоснованной капризности, но это не так. Я просто очень не люблю две вещи: браться за безнадежные дела и тащить на своем горбу к светлому будущему большое количество бездельников. А в данной ситуации я четко, как на экране монитора, видел взрывоопасную смесь этих двух вещей, и только поэтому прикладывал все усилия, чтобы уйти, как рыба, в глубину. Впрочем, в конечном счете нарисовалась совершенно противоположная картина – я бился как рыба об лед.

Однажды, зайдя в офис, я встретил насупленный взгляд Сани.

– Только не ори, – заявил он, вместо приветствия. – Если не хочешь, то никто тебя не заставляет – вали на все четыре стороны.

– О чем это ты? – удивился я, тоже не став здороваться.

– Человек один с тобой встретиться хочет, чтобы просто поговорить, – на полтона ниже, чем обычно, завопил Александр, и в его исполнении это означало, что он проникновенно шепчет. – Но ты как девчонка-недотрога последнее время себя ведешь, лишнего слова тебе не скажи...

– Да я всегда готов встретиться с любым человеком, если при этом из меня не будут делать дурачка местного! – тут же возмущенно заорал я. – Ты же первый раз за последние пять лет просто сказал: «Тим, поговори, пожалуйста, с человеком». У тебя же все происходит якобы случайно. Я тебе что, игрушечный солдатик, чтобы меня двигать?

– Ну, так что, поговоришь? – прервал мой возмущенный ор Саня.

– Да легко, – согласился я. – Ты со мной как с человеком – и я тебе навстречу пойду.

Наш невысокий директор предприятия просиял радостно и тут же стал звонить куда-то по гашек-фону.

– Ну вот, а вы сомневались, Рудольф Иванович, – вальяжно сказал Саня невидимому для меня собеседнику. – Фирма веников не пишет! Обещал, что устрою встречу, – свое обещание сдержал! Можете приезжать, вас ждут.

После отбоя мы с Александром переглянулись, и он мне хитро подмигнул.

– Кстати, я давно хотел тебе одну вещь сказать, только все забывал, – прервал я затянувшееся молчание.

– И какую же вещь, интересно? – забеспокоился Саня. – Только не говори, что у тебя дела, – ты мне обещал!

– Нет, раз пообещал, то все сделаю, ты же меня знаешь. – Мой одноклассник перевел дух, и я продолжил выражение своей свежей и оригинальной идеи: – А вот ты, Саня, все-таки законченный негодяй!

Эту мысль мы муссировали со всех сторон вплоть до прибытия Рудольфа Ивановича, с которым я, как выяснилось, был знаком. Им оказался тот самый уважаемый человек, с которым мы перекинулись парой слов в кабинете клерка, в джисталкерском комитете. При появлении Рудольфа Ивановича даже Дмитрий ненадолго оторвался от экрана монитора, буркнул что-то приветливо-почтительное и снова погрузился в виртуальное бухгалтерское про-

странство. Человек в невероятно дорогих очках уважительно глянул на Диму, пожал руку Сане, как старому знакомому, и церемонно поклонился мне. Это меня ужасно удивило (я привык, что люди в массе своей относятся ко мне несерьезно), и я точно так же поклонился ему в ответ.

– Пожалуйте в переговорную, вам там никто не будет мешать, – как радушный хозяин воскликнул Александр, открыл дверь в затрапезную заднюю комнату, которую он так величественно окрестил при госте, и застыл перед порогом, олицетворяя всем своим видом древнерусский плакат «Велкам!».

– Так это вы на меня охоту устроили, Рудольф Иванович? – вежливо поинтересовался я, когда мы с респектабельным человечком остались наедине и закончили наконец-то обмениваться заверениями во взаимном почтении.

– Тим, называйте меня Рудольф, пожалуйста. Без всяких отчеств, – попросил меня сотрудник «Гном-инста». – И может быть, перейдем на «ты»?

– Согласен, Рудольф, – улыбнулся я. – Ну, так зачем я нужен-то?

– Ты меня в прошлую встречу удивил, – улыбнулся в ответ хед-хантер. – Я заинтересовался поначалу необычной реакцией.

– Не как все поступил я тогда? – расстроено поинтересовался я, дождался ответного кивка с полуулыбочкой и горестно выдохнул: – Вечно так. Как только начинаю считать себя самым умным, сразу сажусь в лужу...

После этого у нас состоялся недолгий, но откровенный и плодотворный разговор. Рудольф честно признался, что внимательно просмотрел все мои отчеты в джисталкерском комитете (практически законодательство нарушили – ничего не бояться!). Его поразил процент выполнения мной предварительных заказов – ни одна частная контора, индивидуальные джисталкеры и даже государственные служащие (имеющие, кстати, большие звезды на погонах), как говорится, даже в затылок не дышали. Думая, что тут произошла какая-то ошибка, хед-хантер через обширные связи «Гном-корпорации» прошелся по основным заказчикам и с удивлением понял, что на практике дела с выполнениями заказов у меня обстоят значительно лучше, чем указывалось в отчетах (выполняя основные заказы, я при этом и побочные дела проворачивал). В моем лице, как говорится, «ему подсунили гораздо более ценный мех». Тут мы немного поспорили. Я убеждал его, что потому, мол, и хорошо справляюсь, что не берусь за особо сложные дела. Он тут же предоставил мне пару случаев, когда я делал в мире Ворк практически невыполнимые вещи. Я в ответ привел поговорку о том, что исключения лишь подтверждают правила.

Потом Рудольф посетовал на то, что я оказался крепким орешком.

– Ты, Тим, сейчас практически рекордсмен! – гордо сказал Рудольф, с удовольствием поглядывая на меня.

– Что я там опять умудрился натворить невзначай?

Оказывается, у «охотников за головами» есть своя классификация жертв. Есть люди, которые работают в серьезных конкурирующих структурах, и такие «головы» заарканить труднее всего. Следующие по сложности – работники компаний, стоящих в иерархии ниже компании-заказчика.

Потом идут семейные фирмы, а на самом дне – безработные специалисты. Так вот, поначалу я по всем признакам относился к безработным, а в результате он на меня потратил сил больше, чем на переманивание «головы» какого-нибудь чрезвычайно нужного компании специалиста из конкурирующей структуры, сопоставимой с заказчиком величины.

– И вовсе ты меня не заарканил, – честно ответил я, и все вернулось на круги своя.

Я коротко обрисовал, почему я капризничаю, и Рудольф, в принципе, полностью согласился с моими доводами. После этого мне сразу было предложено место консультанта проекта, подчиняющегося непосредственно главе компании, от которого я тоже с благодарностью

отказался. Знаю я такой подходец – сегодня консультируешь, завтра помогаешь выполнять, а послезавтра уже запряжен в плуг и пашешь, как ломовая лошадь. Мило беседуя примерно в таком же ключе, мы вышли из комнаты отдыха в офисную комнату и подошли к двери.

– Интересный ты человек, Тим, – пожав мне руку на прощание, сказал Рудольф. – Очень плодотворная у нас беседа получилась, и я лишний раз убедился в том, что ты необходим проекту.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся я в ответ. – Но искренне надеюсь, что у вас все получится. В плане – получится без моего участия...

– Поглядим, – улыбнулся хед-хантер и заслужил мою ответную искреннюю улыбку уверенного в себе человека.

– Все нормально у вас там? – поинтересовался Саня, не вставая из-за стола.

– Все отлично, – хором ответили я и Рудольф, синхронно улыбнулись друг другу, и хед-хантер вышел из комнаты.

– Нет у вас методов против Кости Сапрыкина! – цитатой из любимого классического фильма высказал я свое отношение к ситуации, попрощался с ребятами и покинул офис.

А вечером ко мне в гости заявила не кто-нибудь, а моя великолепная дочь собственной персоной...

Работа 4

Официальная

*Первый день – комом, блин...
Новая интерпретация старой поговорки*

Первое утро работы в крупной фирме началось ужасно. Я встал, побрился, сел на край ванны и заплакал. Это я, конечно, выразился фигурально – заставить меня заплакать не смогут все бюрократы мира, вместе взятые! Но если честно, то плакать хотелось. Вы не поверите, по какой причине, – мне было не в чем идти на эту проклятую работу! Я почувствовал себя блондинкой из анекдотов – полный шкаф тряпья, а надеть нечего. Деваться было некуда, я встал и отправился за одеждой.

Не понимаю, почему женщинам нравятся хождения по магазинам? Это же ужасно долго, нудно и дорого. А мне предстояло купить все – у меня в гардеробе отсутствовали не только костюм, рубашка, запонки, галстук и чего там еще надо, точно не вспомню, – у меня не было даже подобающей обуви. Тяжело вздыхая, я, как на каторгу, пошел на грандиозный шоп. Честно сказать – самому до сих пор не понятно, с какого перепугу я решил, что мне на работу надо явиться, вырядившись, как офисный клерк. Загадка для меня это сейчас, если уж говорить до конца откровенно. Но вот втемяшилось в голову – и все тут. И ведь никого рядом не оказалось, чтобы спросить: «Тим, а зачем ты хочешь на работу в костюме прийти?» Если бы меня кто-нибудь спросил об этом, я бы сразу в чувство пришел, рассмеялся и отправился на место новой работы в привычном «милитари». Но такого умника рядом не оказалось, и отправился я в свой первый рабочий день на новом месте с раннего утра в магазин модной одежды.

Самым главным ударом в магазине для меня явилась цена костюмов и иже с ними. Вот никак не ожидал, что этот черно-белый ужас столько стоит! Вернее, вся ценовая палитра присутствовала в полном ассортименте, но носить что-либо, не испытывая при этом жуткие неудобства (под мышками давит, штаны болтаются, ворот рубашки шею трет), можно было только то, что ужасно дорого стоило. Я, в принципе, парень небедный, но в самом конце процедуры жуткой примерки, когда все силы из меня были высосаны приветливыми менеджерами магазина и я мог в том, во что меня нарядили, худо-бедно передвигаться, мне принесли счет, все волосы на теле встали дыбом. Цена этого официального маскарада была сопоставима с ценой моего любимого гоночного болида!

Время поджимало, да и проходить снова через весь ужас примеривания мне вовсе не улыбалось, так что я, скрипя зубами, расплатился и уже в черно-белом одеянии, как типичная офисная крыса, вышел из магазина, сжимая в руках приличный кожаный портфель, купленный там же. В портфеле гордо покоились обычные удобные шмотки, да еще я кроссовки туда умудрился запихать, так что сей бюрократический аксессуар в крепких джисталкерских руках казался достаточно пухлым, что придавало (как я искренне надеялся) моему глупому виду некоторую толику солидности.

Перед дверями офиса ребят я застыл в нерешительности, проклиная тот день, когда в мою голову пришла мысль о джисталкерстве, которая в конце концов поставила меня в это неудобное положение. Спокойно, уверенно и с чувством собственного достоинства показаться на глаза Диме и Сане в деловом костюме оказалось выше моих сил.

«Соберись, тряпка!» – прикрикнул я на себя мысленно, после чего решительно перешагнул порог офиса, который всем нам вскорости предстояло навечно покинуть.

Вопреки ожиданиям, ребята на мой деловой костюм отреагировали вполне нормально. Хотя чего я говорю – если бы они действительно адекватно отреагировали, то я бы до конца

своих дней не отмылся. А так Саня и Дима продемонстрировали абсолютный, с моей точки зрения, неадекват.

– Вау! – закричал Александр, как только я перешагнул порог офиса. – Да ты на человека стал похож!

– Почем сукно? – вторя ему, буркнул Дмитрий, и я было напрягся, приготовившись к потоку глумления, который, казалось, готов был сорваться с их змеиных уст, но тут случилось невероятное.

– Ух ты, костюмчик от Армани! – вдруг воодушевленно выкрикнул Саня. – А ну-ка, лейбл покажи!

– Солидно, – подтвердил Дима, ради этого встав со своей табуреточки и пощупав рукав моего пиджака. Причем проделано это было с пиететом и западанием в глубочайшем пардоне перед фирмой-производителем товара.

– А галстук-то – «Кати Бутовская»! – выкатив глаза, аж затрясся маленький глава предприятия.

– И булавка на галстуке от Картье, – подпевал восхищенно огромный бухгалтер.

Следующие десять минут ребята обменивались гламурными словечками. Я услышал краткий сравнительный анализ современных производителей деловой одежды, последние направления в развитии офисного костюмированного искусства и прочая, прочая, прочая... Одним словом, меня не покидало ощущение того, что я разговариваю не со своими друзьями-мужчинами, а пытаюсь вести беседу одновременно с бывшей женой и дочерью, находясь перед стройными рядами каких-нибудь бутиков в гигантском супермаркете модной одежды.

То, что мои офисные крысы оказались ужасными модниками, для меня явилось невероятным откровением, сравнимым по значимости с открытием теории относительности для современной науки. Совершенно по-другому взглянул я на ребят – и не скажу, кстати, что с этого ракурса они мне понравились больше. Я-то был уверен раньше – свои костюмы они покупают где-нибудь в магазине спецодежды. Так прямо и стояла перед глазами картина: огромный зал, длинный ряд оранжевых жилеток служб коммунальных услуг; рядом ряд спецодежды для работы в агрессивных средах (резиновые сапоги там, гидрокостюмы и т. д.); следом ряд грубых спецовок строителей; и вот, наконец, мы дошли до черно-белой спецодежды офисных работников. А оказалось вон оно что – прямо-таки подиум у нас был все это время, а не офис.

* * *

Мои друзья не были прекрасными дамами, так что я с ними особо церемониться не собирался. Да и вообще слово «прекрасные» к моим приятелям-предпринимателям мало применимо, разве что в контексте со словом «друзья». Но в этой ситуации им не помогло то, что они мои друзья, ибо любимая мозоль есть любимая мозоль.

– Разгалделись, сороки черно-белые! – прервал я разговоры об офисной модности. – То, что я на себя снаружи этот ужас нацепил, вовсе не означает, что внутри поменялся. Нашлись тут фотомодели...

– Да ладно тебе, Тим, – сразу замялся Саня, сделав виноватое выражение лица. – Это же на имидж работает...

– ИмИдж делами крепИдж! – выдал я неожиданно возникшую в голове поговорку, чем вверг в легкий ступор офисных работников (признаюсь, сам немного опешил). Из ступора я вышел первым, и этим грех было не воспользоваться, что я и сделал. – Мы тут вечно будем стоять или пойдем куда-нибудь?

– Собрать документацию надо, – потерянно пробурчал Дима, оглядывая наш затрапезный офис, к которому мы привязались за долгие годы всей душой. – Вещи личные опять же...

– Сейф тут, лицензии всякие, – тоже вдруг струхнул Саня. Чувствовалось, что ему страшновато срываться с насиженного места. – Опять же вещи личные...

– Трусить команды не было! – гаркнул я, решив взять дело в свои руки, и в глазах ребят проявилась некая осмысленность. – Все вон из офиса! Не на каторгу идем, а на новое место работы. Если выгонят нас оттуда через неделю – вернемся, и всех делов!

Командные интонации, прорезавшиеся в моем голосе, привели ребят в чувство, мы быстро собрались и уже через пять минут вышли из офисного центра втроем. Это было немного непривычно – рабочий день еще к обеденному перерыву не подошел, а весь состав конторы уже покинул офисное здание.

* * *

Как я уже говорил, фирма «Гном-инст» располагалась на последнем этаже прямо в небоскребе джисталкерского комитета. В сам комитет у всех нас имелись пропуска, а вот попасть на нужный этаж мы сразу не смогли. Телепорт-лифты подниматься на уровень пентхауса без специального ключа отказывались наотрез. Пришлось вернуться к охране у входа и представиться по полной программе, с предоставлением всех официальных документов. Естественно, это заняло кучу времени. Буквально через какой-то жалкий час мне все это жутко надоело, и я пару раз попытался позвонить Рудольфу Ивановичу, чтобы избавиться от этой бюрократической волокиты, но Саня и Дима каждый раз делали страшные глаза и при этом порывались отнять у меня мобильник. Появляться на новом месте работы, минуя препоны при помощи начальства, они посчитали для себя неприемлемым – оказывается, и у офисных крыс существуют какие-то кодексы чести, хотя признаюсь, что для меня все это абсолютно непонятно и немного дико.

В конце концов мы преодолели охрану при входе, первое препятствие на пути к светлому будущему, и у нас на руках оказались карточки пропусков на уровень пентхауса. Далее все оказалось тоже не совсем просто – лифты на нужный нам уровень по-прежнему идти отказывались. С последнего этажа джисталкерского комитета по длинному коридору мы прошли к незаметной двери и еще раз уперлись в охрану. Впрочем, наши карточки-пропуска, которые мы больше часа получали внизу, оказали магическое воздействие на парочку бодигардов с винтокрылами, и мы оказались допущены во внутреннее пространство фирмы «Гном-инст».

Поднявшись еще на один этаж пешочком по лестнице, мы очутились в длинном коридоре с большим количеством дверей, на которых табличек не было.

– Как давно я по лесенкам не бегал, – тяжело дыша, буркнул Дима, стоя у стены и держась за нее, чуть согнувшись. – Всюду лифты и эскалаторы, отвык...

– Ага, а солидная фирма вроде, – поддакнул Саня, пристраиваясь к другой стене в аналогичной позиции и прижав правую руку к селезенке. – Бок что-то прихватило...

– Вот так на чужого дядю работать, – хмыкнул я, без всякого сочувствия глядя на ребят. – Не успели на работу устроиться, а уже все соки из вас выжимают...

– Так это вы отдел номер тринадцать! – раздался за спиной рассерженный звонкий голосок. – Я вас с самого утра жду!

Мы синхронно обернулись и увидели белокурое создание в деловом костюмчике. При взгляде на нее у меня в голове всплыли строки великого поэта Кисы Воробьянинова: «К поцелуям зовущая, вся такая воздушная...», что я и не замедлил произнести вслух. Романом «Двенадцать стульев» мы с ребятами в школе зачитывались вместе, так что после этих моих слов Дима и Саня так и не смогли разогнуться, теперь уже от смеха. Создание глумления не заметило, скептически оглядело нас, деловито заявило:

– За мной следуйте, – после чего развернулось и, строго виляя бедрами, двинулось вдоль по коридору.

Мы последовали за нашей белокурой проводницей, которая на нас никакого внимания больше не обращала. Мы же, напротив, шли следом и вполголоса комментировали выдающуюся походку секретаря, причем явно референта. Девушка топала по коридору как по подиуму, в полной уверенности, что следом за ней идут «эти несносные тринадцатые», как она периодически выплевывала в нашу сторону, при этом даже не оглядываясь (умопомрачительный профессионализм). Остановившись у неприметной двери, девица достала откуда-то ключ-карту, открыла офисную комнату, оглянувшись, наметанным взглядом вычленила Диму, как самого ответственного, сунула ему в руку карту и ушла, больше не сказав ни слова, опять же строго виляя бедрами (то, что такое возможно, я до сего дня даже не представлял). Мы втроем, и при этом в гордом одиночестве, в нерешительности застыли на пороге нашего нового места работы.

– Ну что, двинули, – не совсем уверенно сказал я и первым пересек порог кабинета, на который мы сменили старый, верный и ужасно непритязательный частный офис в огромном центре-приюте для мелкого бизнесменства.

Через десять минут мы уже прижились на новом месте. Офис по устройству оказался точной копией недавно покинутого, что лишний раз убедило меня в великой истине: ничего принципиально нового придумать невозможно! Наш отдел за номером тринадцать (все силы приложу, чтобы сменить цифру эту, – да, я суеверный, и что?) располагался в двух комнатах. В первой имелся стол с начальственным креслом, шкаф для бумаг, сейф и все сопутствующее офисное оборудование. Во второй комнате расположился шикарный кожаный диван (есть на чем поспать!), была умывальная комната, обеденный стол, заправленный кофейный аппарат последней модели (в отличие от древнего аппарата, оставленного на прежнем месте и вечно пустого) и масса прочих удобных вещичек. Принципиальная разница заключалась в отсутствии старенькой гашек-камеры.

– А мне тут нравится! – воодушевленно пропел Саня, когда мы собрались за большим офисным столом. Наш директор, естественно, занял начальственное кресло.

– Табуретку мою надо принести, – хмуро пробубнил Дима, напряженно сидя на офисном стуле, который под ним смотрелся очень хлипко.

– У меня такое ощущение, что мы просто пересели с древней модели гоночного болида, максимальная скорость которого не больше четырехсот километров в час, на современный, богато отделанный автомобиль, – высказал я свои ощущения от нового офиса. – Теперь остается только рвануть и переложить спидометр за полтысячи, а иначе отберут авто.

После этого мы принялись обсуждать достоинства нового места работы и его преимущества перед старым. В принципе, всех все устраивало, за исключением совсем уж незначительных мелочей. Сошлись на том, что все отлично, кроме одного – делать нам здесь абсолютно нечего. И действительно, на старом месте Дима и Саня постоянно чем-то занимались, а тут мы уже полчаса сидели и просто галдели, как три огромные черно-белые галки. Хотя честно признаюсь – безделье потихоньку засасывает, и всего лишь через полчаса такого времяпрепровождения мы уже освоились и нам это начало нравится. Еще и зарплата шла, а размер оклада нам поставлен просто фантастический. Словом, свершилась мечта любого нашего человека – мы ничего не делали и гребли деньги лопатой. К моему сожалению, для меня такое правильное занятие закончилось довольно быстро. В самый, можно сказать, разгар безделья дверь открылась и на пороге возникла давешняя белокурая проводница.

– Тим-тринадцать, что вы тут делаете? – раздался обвиняющий звонкий голос. – Давно уже идет заседание, и вы там обязаны присутствовать!

– Так предупреждать надо! – проворчал я, вставая с полюбившегося мне стула, явной реинкарнации умершего не так давно подо мной в старом офисе такого же бойца офисного фронта (скрип и кряхтение просто один в один и ощущения при сидении точно такие же).

Обращение секретаря мне не понравилось, и поэтому я продолжил ворчание: – И что за «Тимтринадцать»? Неправильно это как-то...

– Знать надо свои обязанности, за что зарплату вам платят? – резко, не обратив никакого внимания на мое неудовольствие, поинтересовалась офисная фея. Через полсекунды она, не закрыв за собой дверь и не дождавшись моего ответа, скрылась с наших глаз, поэтому я ничего уже не увидел, а только услышал звонкий голос под стук удаляющихся каблучков. – Идите за мной, если не хотите потеряться...

Потеряться я не захотел, поэтому сказал приятелям-предпринимателям:

– Пожелайте удачи в бою, – не стал слушать ответа и вышел в коридор, отправившись на первое в своей жизни официальное заседание.

Работа 5

Консультационная

*Совет – относиться серьезно к нашему совету.
Плакат в сельсовете*

Правильно говорят: нельзя очень сильно чего-либо желать или бояться. Исключительно потому нельзя, что твои сильные чувства способствуют исполнению этого желания (или нежелания). Вот мне скажут: что тут плохого, если сбудется то, чего желаешь всей душой. А я вам скажу: ничего хорошего в этом нет. Если хотите чего-то больше всего на свете, морально будьте готовы к тому, что, дойдя до финиша, испытаете жестокое разочарование.

«И зачем я рвал себе жилы?» – в свое время подумал я, когда сменил свой первый недорогой болид на роскошную последнюю модель и пролетел пару кругов по МКАДу.

Когда я долго ухаживаю за прекрасными дамами, почему-то получается похожая картина. Вот помню, полюбилась мне как-то арт-модель. Нет, я вовсе не сторонник анекдотичного словосочетания «прекрасная дура-блондинка» и считаю, что внешность и ум никакой связи между собой не имеют, разве что я сам исключение, ибо одновременно умен и внешне красив, что в сочетании со скромностью дают просто феерическую картину (хотя есть у меня подозрение, что многие так о себе думают). Ну так вот, по поводу этой девушки-модели. Потратил море средств, сил и времени. Через определенный (довольно длительный) отрезок времени добился желаемого – и сразу же сбежал, не перенеся разочарования. Разочаровался я ни в коем случае не в даме (душевные качества, внешность, темперамент и прочая – все там было на высоте) – сама ситуация все чувства во мне убила. Столько сил было потрачено на сам процесс ухаживания, что на девушку меня уже просто не хватило.

Кстати, пришла в голову дурацкая мыслишка – в личной жизни почему-то самыми счастливыми являются мужчины, придерживающиеся принципа: все женщины делятся на два вида: первый – «прелестная дурочка», второй – «ужасная дура». Вот я всегда вижу в даме человека, собеседника, друга, помощника, – и что в результате: скоро сорок лет, а один как перст. А вот мой друг и по совместительству бухгалтер нашей бывшей конторы Дима иначе чем «курицами» прекрасных женщин не называет, причем как в лицо, так и за глаза. И что бы вы думали – мало того что на него никто никогда не обижается (мне бы всю рожу расцарапали за такое!), так еще он в среднем раз в восемь лет женится, с бывшими женами в отличных отношениях остается, да еще и тайных воздыхательниц у Димочки пруд пруди. Причем, как только Дмитрий становился холостяком, мы сразу прекращаем работу, ибо в офис моментально начинают названивать невесты, и ни о каких делах речи уже в принципе не ведется. Поэтому холостым мужчиной наш гигант обычно ходит недолго. Хотя надо отдать ему должное – жене Дима не изменяет, и, как только он на ком-нибудь женится, наплыв невест в офис сходит на нет практически моментально.

А вот Саня, наоборот, ужасный ловелас и дамский угодник. Но я что-то не туда ушел. Вернусь к теме.

Ну так вот, к чему я все это – нельзя слишком сильно чего-то желать ни в плюс, ни в минус. Вот боялся я всю жизнь крупных фирм и работы в команде – и что в результате? Понуро иду на совещание за офисной феей, строго виляющей перед моим носом бедрами.

Примерно такие мыслишки одолевали меня, когда я в невеселом настроении шел на свое первое в жизни заседание, но стоило мне переступить порог места, где все должно происходить, минорные мысли мгновенно вылетели из головы – зал заседаний меня удивил. Во-первых, размером он был с половину футбольного поля. Во-вторых, мест сидения для присутствующих не

наблюдалось. Больше всего это серьезное заседание мне напомнило слет каких-нибудь ролевиков на лесной поляне. Люди в огромном зале стояли кучками, человек по пять в каждой, и внимательно следили за огромной проекцией человека, вещающего со сцены. Надо сказать, что эта проекция никакой роли, кроме дизайнерской, не играла – просто украшение комнаты для стороннего взгляда и намек – не мешать, работают люди. Настоящая работа происходила в виртуальной гашек-реальности... Об этом расскажу чуть позже.

– Тим, сюда! – не боясь никому помешать, крикнул мне мужчина, одиноко стоящий недалеко от проекции лектора.

Этим человеком оказался Рудольф Иванович.

– Добрый день, – поздоровался я, подойдя к хед-хантеру, дождался ответного приветствия и после этого поинтересовался: – Ты тоже тут? Я думал, твоя работа закончилась, когда меня заарканил...

– Да нет, если бы, – грустно усмехнулся Рудольф. – Поиском кадров я для удовольствия занимаюсь, молодость вспоминая. Сейчас моя основная работа – этот проект курировать.

– Так что, я удосужился быть отловленным ручками «самого»? – ухмыльнулся я во всю ширину лица. – Хотя немного ты меня сейчас порадовал. Это ж сколько времени я отнял у вашей компании в твоём лице! Какие убытки...

– Ну да, ну да. У соседа коза издохла – мелочь, а как приятно! – поговоркой в тему ответил Рудольф Иванович, не отрывая глаз от огромной проекции докладчика. – Можешь звать меня Руди, в крайнем случае Руд. Но ни в коем разе не Рудик, а то я тебя Тимчиком буду называть, как твой Борис Кузнец.

– Seriously подготовились, – уважительно покивал я. – Все сплетни собрали...

– А ты думал, – залихватски отвечал Рудольф Иванович.

– Идет, но с одним условием. Номер отдела поменяй, а?

– Не, на это я пойти не могу. Тут в сметы уже четко включены двенадцать отделов разработки. Дюжина – количество, завещанное фирме самим основателем Гномом, традиция незыблемая. – Тут Руди отвлекся от докладчика и посмотрел на меня. – Я под тебя отдельный консультационный отдел выбил, так что извини.

– Ладно, Руд и Руди принимается, а к номеру отдела вернемся позднее, – пошел я на первый рабочий компромисс.

– Идет, – мотнул головой Руд и протянул мне прибор, чем-то похожий на обычный трикет. – Надевай и работай. Теперь до девятнадцати ноль-ноль твоя задача – честно консультировать.

– Объясни хоть, что я должен делать, – не поспешил я надевать на уши незнакомое оборудование. – Первичные установки давай, начальничек!

– Установки просты, – сказал Руди, снова грустно усмехнулся и выдал: – Ты выслушиваешь докладчика и компетентно заявляешь, взялся бы ты за этот контракт или нет.

– Нет, – твердо ответил я, глядя в глаза своему единственному непосредственному начальнику.

– Что «нет»? – озадаченно переспросил Руди. – Работать отказываешься?

– Да как ты мог так плохо обо мне подумать, – преувеличенно вежливо запротестовал я. – Просто мой ответ уже готов, и он звучит так: нет!

– Хм, и даже не посмотришь вводную?

– А чего там смотреть, все и так ясно. – Меня понесло, как Великого комбинатора: – Ты, Руди, сейчас разбазариваешь деньги компании, а тебе ведь, можно сказать, доверили блюсти ее интересы в память о великом Гноме!

– Хм...

– Конечно, сам посуди. Ты взял на работу человека, платишь ему бешеные деньги, выделил кабинет в центре города, разве что секретаршу не дал. – Тут я притормозил, и мысль ушла

в другом направлении: – А кстати, почему не дал секретаршу? Вот сколько живу на этом свете, а личных секретарей-референтов у меня еще ни разу не было. Непорядок!

– Хм, ты продолжай, продолжай...

– Ну так вот, платишь нереальную зарплату – так мало того, еще и двух бездельников взял на сопоставимые оклады из-за меня. – Я сделал паузу и со значением заглянул в хитрые глаза главы «Гном-инста», смотрящие на меня исподлобья. – Ты же взял Диму и Саню только из-за меня, ведь так?

– Хм, предположим. Ты продолжай, продолжай...

– Угу. И вот платишь ты такие сумасшедшие деньги за консультации, а зачем? – Я сделал круглые глаза и развел руками. – Ты же знаешь мой ответ на девяносто девять целых и девятьсот девяносто девять тысячных процента! И этот ответ – нет!

– Хм, и?...

– Вывод прост: ты по какой-то неведомой мне причине решил разорить свою компанию! – гордо завершил я свое сольное выступление.

– Bravo! – воодушевленно выдохнул Руди, не переставая скептически улыбаться и, два раза хлопнув в ладоши, пробормотал якобы в сторону: – Еще один клоун на мою голову...

Я стал раскланиваться.

– Выступления артиста разговорного жанра закончены? – поинтересовался мой шеф.

– В принципе – да.

– Ну вот, а намекал, что всегда будешь говорить «нет», – разочарованно протянул этот динозавр от бизнеса, сунул мне в руку свой необычный трикет и сделал движение пальцами, как будто отгоняет навязчивую муху. – Надевай и работай, давай-давай...

Продолжать отлынивать от рабского труда никак не получалось, и я решил проиграть с достоинством. Взял клипсу, чем-то похожую на обычный трикет, прицепил к уху и мгновенно очутился в гашек-пространстве виртуальной реальности, сооруженной докладчиком. На мою голову обрушились сведения, которые говоривший уже успел выплеснуть с утра, и меня чуть качнуло.

«Наказание за опоздание», – думал я, пока мой головной мозг приходил в себя от информационного удара.

Впрочем, я был достаточно натренированным пользователем трикета, так что на меня этот инфорудар не произвел серьезного эффекта, зато в глазах Руди, уже стоящего рядом со мной в виртуальной реальности докладчика, я прочитал удовлетворение от моей реакции на стрессовую ситуацию.

Докладчик между тем продолжал вливать в нас информацию уже с нормальной скоростью. Виртуальное поле, сооруженное в комнате переговоров, меня просто поразило своим удобством, информативностью и объемом доступа к разнообразным базам данных. В любой момент, не привлекая к себе внимания и не отвлекая докладчика, можно было затребовать абсолютно любую информацию как по данной теме, так и вне ее.

С темой я разобрался достаточно быстро, так как почти все то, что пытался донести до меня говоривший джисталкер (рыбак рыбака видит издалека), я знал не хуже его. Парень, делающий доклад, был молодой, горячий – соответственно все то, что он предлагал, слегка попахивало авантюрой. Да что я говорю-то – полную ахинею он нес, причем не простую ахинею, а высокочувствительную чушь. Загружать вас подробностями не стану, просто проверьте на слово. А не хотите поверить – зайдите на любой сайт народной фантастической литературы – там подобного бреда терабайты лежат.

Сняв с уха прибор, я выжидающе взглянул на Руди, стоящего рядом и наблюдающего за залом. Рудольф заметил мою реакцию, и через секунду в глазах его появилось осмысленное ожидание. Надо сказать, я поразился его умению работать с виртуальным пространством. Я

бы так не смог – для переговоров мне надо отключиться от информационного поля. А Руди одновременно обрабатывал в своей голове что-то невидимое мной, при этом был готов к полноценному разговору.

– Дальше он будет говорить вот что, – начал я и коротко пересказал шефу идею докладчика. – Естественно, мой ответ «нет».

– Понятненько, – улыбнувшись, ответил Руди, но прерывать докладчика не стал.

– Все? – вальяжно поинтересовался я. – На сегодня работа закончена?

– Вот скоро сорок тебе, всего через три года, а наивен по-прежнему, как бледный вьюноша с горящим взором, – улыбнулся Рудольф, потом скорчил умную физиономию и отдал начальственное распоряжение: – Надевай стрикет и иди на второй уровень.

– Так это прибор стрикет называется? – заинтересовался я и тут же нашел способ немного побездельничать: – Расскажи, что это за зверь такой...

Руди выдал понимающую улыбочку, но подзатыльник зарвавшемуся подчиненному давать не стал, в честь первого дня работы, а провел краткий курс ликвидации безграмотности. Оказывается, весь огромный зал заседаний накрыт гашек-полем, которое подключено к самому мощному на сегодняшний день компьютеру – практически искусственному интеллекту. Причем настроено поле таким образом, что вступает в контакт с человеческими органами чувств только в сочетании с индивидуальным трикетом, тоже последним достижением земной науки. Стрикет не требует контактных линз, а сам создает маленькие лазерные информационные экранчики прямо перед зрачками, практически невидимые со стороны. В комнате переговоров стрикет отключает лазерные линзы и подключается к гашек-полю. Очень удобное изобретение, из-за оптики в основном. Я, в принципе, давно привык к мягким глазным информационным линзам, но отвыкать от них буду с величайшим удовольствием.

Надев стрикет и нырнув в виртуальную реальность, где по-прежнему распинался неинтересный мне докладчик, я оказался рядом с Руди, который ткнул меня носом в клавишу перехода на следующий уровень и сразу исчез, убежав из моего поля куда-то в другое место по своим виртуальным делам. При этом в обычной реальности мой шеф стоял рядом со мной, и я его прекрасно видел, но «видеть» это вовсе не означает «замечать». Я плохо работаю с гашек-реальностями – опыта почти нет. Вот Саня и Дима могут в паре виртуалов (так обычно называют виртуальные реальности) сразу находиться и при этом как-то реагировать на раздражители, поступающие из реала (реал – устоявшееся название первой реальности, которая не виртуальная). Руди, похоже, в этом плане значительно опережает Александра и Дмитрия. Находясь неизвестно в скольких виртуалах, он вел абсолютно адекватный разговор со мной в реале (даже шутил) – это было просто фантастично. Я же, попав в виртуал (игровой, деловой или информационный – все равно), сразу отключаюсь от реала, и меня тут возможно только водить за ручку, как сомнамбулу, можно смеяться надо мной, издеваться, махать перед носом руками – я просто неотреагирую ни на что. Если, конечно, меня сильно ущипнуть, то я моментально окажусь в реале, и «щипачу» не поздоровится, но при этом из виртуала я тут же выпаду и тамошняя моя «сущность» не будет ни на что реагировать и, соответственно, перестает воспринимать информацию. Словом, не приспособлен я к современной жизни, как ни крути. Средневековый мир Ворк – вот где мое настоящее место.

Перейдя на следующий уровень, я успел понять, что это уже совсем другой докладчик, и тут на меня обрушился новый инфорудар, аналогичный недавно пережитому. На этот раз нервная система получила хорошую встряску, и соображать я начал в лучшем случае минуты через три. От Руди это не ускользнуло, и он тут же оказался рядом со мной в виртуале, после чего я заслужил заинтересованный взгляд. Показав на пальцах знак «о'кей», я стал впитывать информацию о втором проекте. Шеф сразу успокоился и куда-то смылся.

Естественно, и этот докладчик порол чушь. Ну, не совсем уж полную, как предыдущий лектор, но достаточно толстенькую. Для того чтобы разобраться в этом, мне потребовался примерно час, с учетом приведения мыслей в относительный порядок после встряски информационным ударом. Когда я пришел к логичному выводу и готов был оформить свое резюме консультанта в виде краткого «нет», мне пришла в голову интересная мысль.

«А сколько тут имеется уровней?» – подумал я и осмотрел внимательнее (как иначе сказать – не знаю, ну не силен я в виртуальной терминологии) клавишу перехода на следующий уровень.

В принципе, она оказалась устроена так же, как в любой игре устроена кнопка доступа на новый игровой уровень, разве что в ней была предусмотрена возможность выйти на любой из двенадцати уровней, полностью заполненных информацией.

«Руди говорил, что отделов двенадцать, мой тринадцатый. Видимо, каждый отдел выдает свою версию, – подумал я, порадовался своей проницательности и тут же расстроился. – Если я сейчас пойду по всем двенадцати уровням, то мой мозг просто взорвется от перегрузки».

Шеф, как будто прочитав мои мысли, материализовался рядом, сделал мне знак выхода в реал и исчез. Я поспешил за ним следом.

– Ты совсем не умеешь работать с компьютером? – первым делом спросил Рудольф, когда я очнулся в реале.

– У каждого свои недостатки, – ехидно пожаловался я на жизнь, разведя руками. – И зачем я тебе такой нужен, увечный. Может, отпустишь, пока не поздно?

– Ты бросай тут упаднические настроения распространять, – усмехнулся Рудольф. – Просто работать тебе придется больше в разы, и всего-то дел...

– Порадовал, чего могу еще сказать, – не стал спорить я с непосредственным начальником. – Выдать резюме высокооплачиваемого консультанта по второму докладчику?

– Опять ответ «нет»? – задал риторический вопрос шеф, посмотрел на мою ехидную физиономию и протянул: – А может, и правда, зачем ты тут нужен?

– Во-во! – сразу обрадовался я. – Давай мы сейчас домой пойдем, а мою зарплату за один день потом переведем в фонд защиты барсуков Приуралья?

– Нет, я тебя лучше оставлю в фирме на должности офисного клоуна, – не остался в долгу Руди. – Будешь местным стрессоотводом – мы в тебя кидаться пластиковыми стаканчиками из-под кофе будем.

– Все вы, офисные крысы, одинаковые, – якобы обиженно буркнул я, вспоминая Саню, который тоже обожает кидаться в меня использованными пластиковыми стаканчиками.

– На третий заход сейчас не иди, пошлое геройство мне тут без надобности, – перешел на серьезный тон Рудольф, и я внутренне подобрался. Все-таки дар у человека – быть руководителем. Я аж немного (совсем чуть-чуть) позавидовал.

– А что делать тогда? – удивился я.

– Ты в огромной корпорации работаешь, забыл? – снова перешел на шутливый тон шеф. – А главное в любой крупной конторе – обеденный перерыв! Так что дуй в свой кабинет.

– Есть, сэр! – бодро отрапортовал я, приложив руку к пустой голове, на что Руди скорчил кислую мину, из чего я сделал вывод – когда-то на погонах у него имелись звезды, и, судя по степени кислоты скроенной физиономии, немаленькие.

– Вали отсель, клоун, – преувеличенно грозно рявкнул Рудольф Иванович, и я поспешил ретироваться.

Только закончив разговор и покидая зал заседаний, я понял: Руди все это время не выходил из вирта (возможно, и не одного), продолжая работать. Могучий профессионал мой нынешний шеф – это немного примирило меня с создавшейся рабовладельческой ситуацией.

– Перерыв так перерыв, кто бы взялся спорить, – пропел я, выйдя в пустой коридор, и отправился в кабинет, который я уже начал считать своим. Надо было поделиться новостями с моими друзьями-предпринимателями.

Работа 6

Беззаботная офисная

*Счастье было недолгим,
от Урала до Волги
Нас, коней, собирали...*

Стройотрядная песня

К моему удивлению, приятели-предприниматели работали. Зайдя в кабинет (да-да – в свой собственный кабинет!), я подвергся психологическому давлению, которое имеет название «полный игнор» и заключается, как вы уже догадываетесь, в том, чтобы не обращать ни малейшего внимания на входящего. Дима сидел на стуле, который вот-вот должен был под ним развалиться, и витал в виртуальном пространстве местной бухгалтерской бюрократии, а Саня явно нашел себе какой-то делопроизводственный виртуал и углубился в новые для него дебри корпоративного бизнеса.

– Обеденный перерыв! – громко объявил я.

– Сейчас, минутку, – хором ответили сотрудники моего отдела (как звучит-то солидно!) и продолжили заниматься своими делами.

Как начинающий руководитель, я не смог допустить колебания своего свежее испеченного авторитета и решил на грандиозную пакость. Найдя взглядом щиток с электрическими предохранителями, я еще раз громко заявил:

– Кушать подано!

Естественно, реакции на мою реплику не последовало. Я решил дать ребятам последний шанс и практически проорал гениальную фразу Василия Алибабаевича:

– Пойдемте жрать, пожалуйста!

Но и на это реакции не последовало. Тогда я подошел к щитку и обесточил помещение. Наградой мне явились две ошарашенные физиономии. Причем, что удивительно, на меня никто не бросился с целью нанести телесные повреждения различной степени тяжести – настолько захватили ребят открывшиеся возможности нового рабочего места.

– Как вы посмели ослушаться непосредственного начальства! – рявкнул я, чтобы уж окончательно сбить друзей с рабочего настроения, потом запнулся и добавил: – В смысле не послушаться. Ну, в плане, не отреагировали на то, что я вас звал. Словом, вы просто-напросто негодяи...

– Да тут так интересно! – заорал Саня, не обратив никакого внимания на мои попытки надуть щеки, и они с Димой наперебой принялись вываливать на мою голову абсолютно лишние сведения о новом месте работы.

– Так, идем в местную столовую, – прервал я восторженное громкоголосое описание доступного нам оборудования, иногда прерывающееся радостным бурчанием о возможностях местных баз данных. Возражений не последовало.

В местной столовой кормили сносно. Обстановка, конечно, немного отличалась от роскошной атмосферы дорогих ночных заведений, зато уровень приготовления пищи был вполне сопоставим с лучшими кухнями московских ресторанов. Все было настолько вкусно, что приятели-предприниматели отказались вести разговоры за столом, и я отобедал под треск, который разносился на весь зал столовой из-за их ушей.

– Ни одного обеда не пропущу! – твердо заявил Саня, когда все блюда, которыми был заставлен столик с табличкой, на которой значилось число «тринадцать», наконец-то опустели.

– А завтраками тут кормят, интересно? – ненавязчиво пробурчал Дима, расстегнув поясной ремень и откинувшись на стуле, который подозрительно под ним поскрипывал.

– Ну что, нам тут нравится? – поинтересовался я у ребят. – Остаемся?

– Да, – хором ответили разомлевшие от сытости приятели-предприниматели.

Вот таким образом мы и стали фактически государственной собственностью.

После обеда я вернулся в зал заседаний и под чутким присмотром своего любимого шефа продрался еще через два уровня докладчиков. Мои резюме разнообразием не отличались, что, впрочем, вполне ожидаемо – разве что одна идея была неплоха, о чем я и заявил. После окончания рабочего дня, перед тем как отпустить домой, Руди сообщил мне прекрасную новость. Оказывается, у них тут имелся телепорт на стадион, который полностью принадлежал «Гном-корпорации». Это был закрытый стадион, на котором тренировались только сотрудники корпорации и государственной джисталкерской службы. Но хорошая новость заключалась не в этом. Самым приятным оказалось то, что сотрудник, посещающий зал минимум десять раз в месяц и за каждое посещение получивший зачет-плюс у любого тренера-инструктора, имеет двадцатипроцентную прибавку к жалованью. Порадовало меня это по единственной причине – у меня появлялся реальный шанс заставить своих друзей заняться собственным здоровьем, которое они изрядно подкосили на вольных хлебах.

В тот же день я сообщил ребятам эту прекрасную новость, которая, как я и ожидал, никакого энтузиазма у Сани и Димы не вызвала.

– Да мы эти зачеты у тренеров в жизни не получим! – горестно проорал Александр, чуть не плача от жадности.

– В лучшем случае через полгода прибавку будем получать, – проворчал Дмитрий. – Смысла нет.

– Вот с чего вы взяли, что тренерами тут работают полные придурки? – ехидно поинтересовался я. – И эти жуткие монстры не поставят зачетов, пока вы не продемонстрируете повторение олимпийских легкоатлетических рекордов или чистую победу над бодигардами с винтокрылами?

Мой сарказм возымел действие, и после работы мы вместе отправились на стадион. Как только мы вышли из телепорт-камеры на территорию стадиона, к нам сразу же подошел немолодой мужчина в докторском халате.

– Добрый вечер, – поздоровался приветливый доктор, окинул нас профессиональным взглядом и спросил: – Вы новые сотрудники «Гном-инста»?

– Тринадцатый отдел в полном составе, – бодро отрапортовал я, начиная привыкать к нашему несчастливому числу.

– Вы начальник отдела, Тим? – поинтересовался доктор, глядя на меня.

Я удивленно кивнул, подумав о том, что врач не иначе как уже получил о нас первоначальные сведения.

– Вам ко мне не надо, если хотите, можете тут все осмотреть.

– Хорошо, – не стал я спорить с эскулапом. – А с ними что?

– Ваши сотрудники могут пройти со мной процедуру анализа общефизического состояния и получить направления на рекомендуемые виды фитнес-нагрузок. О спорте пока речи не ведется. – Доктор по-доброму оглядел ребят и добавил: – Кстати, проведение анализов засчитывается как полный зачетный день тренировок.

Приятели-предприниматели, ощутив мою готовность к жестокому подавлению любого бунта, не протестовали и обреченно побрели за доктором. Я скептическим взглядом проводил их понурые спины, после чего отправился на экскурсию по спортивному храму, закрытому от общего пользования.

Первым делом я забрел в зал единоборств. Надо сказать, работники государственной джисталкерской службы имели славу непревзойденных рукопашных бойцов, и мне всегда было интересно оценить уровень их подготовки. Любопытно мне было не настолько, чтобы приставать к ним на улице, предлагая схватку, и уж, естественно, не до такой степени, чтобы самому пойти на службу. Но уж если по воле злого рока я стал частью системы, то почему бы мне было не удовлетворить свое многолетнее любопытство?

Чуть больше чем через час я вышел из секции залов местных рукопашников в ужасном разочаровании. За это время я провел почти двадцать спаррингов – и только в одном из них, с местным тренером и по совместительству чемпионом, была зафиксирована ничья по очкам (да и то подсудили ему местные электронные судьи, по-моему). Остальные схватки на татами и ринге длились не больше минуты и заканчивались одинаково – мои соперники либо совершали три хлопка по татами в знак поражения, либо их нокаутированные тушки выносили за канаты ринга в сторону медицинских регенерационных кресел профессионального образца. В принципе среди местных средневесов и легковесов были ребята примерно моего уровня подготовки, но против моих ста килограммов они просто не вышли, да и я бы с ними биться отказался. Этот момент потом мы обсудили в дружеской обстановке, и я пообещал привести бойца весом шестьдесят килограммов, который бьет меня в шести случаях из десяти, и при этом я жутко горжусь оставшимися четырьмя. Про сэнсэя Андрея, который весит восемьдесят пять килограммов и бьет меня в десяти случаях из десяти, я упоминать не стал, чтобы уж совсем не расстраивать хороших ребят.

В тот день ничего особо интересного больше не произошло, так что не буду растекаться мыслью по древу и перейду к последующим событиям.

Придя на работу на следующий день, я сразу, не заходя в кабинет, отправился в зал заседаний. Дома я забыл надеть галстук, но на работе никто на это внимания не обратил. Нырнув в виртуальную реальность, я честно отработал еще одного докладчика и вынырнул в реал. Рядом со мной уже стоял Руди и скептически поглядывал все это время на мое оторванное от мира тельце.

– Привет, сотруди́чек, – скептически бросил шеф. – Никак не привыкну, что у меня в подчинении имеется человек, владеющий компьютерами на уровне ученика начальных классов.

– Привыкай, начальни́чек, – в тон ответил я. – То ли еще будет...

– Не пугай, мы тут уже все давно пуганные, – хмыкнул Рудольф, после чего внимательно на меня взглянул и серьезно сказал: – Совпадение результатов сто процентов.

– Не понял?...

– Ты вчера выдал четыре резюме – я их зафиксировал. – Руди посмотрел на мою недоуменную физиономию и, еще раз скептически хмыкнув, сказал: – Тим, хватит бараном прикидываться.

– Да, правда, ничего не понимаю! – возмутился я.

– Вот послал мне Бог наказание... – пробормотал Рудольф и взялся за объяснения.

Оказывается, все то, что я вчера нес в зале заседаний, зафиксировано и является моим официальным вкладом в общее дело (хотя я считаю, что фиксировать стоило только шутки). Далее – естественно, мое мнение не является непреложной истиной, на которую сразу же после приема меня на работу будет равняться вся «Гном-корпорация». И все это шоу с докладчиками устроено вовсе не для моего развлечения, как я искренне считал поначалу. Разработки двенадцати отделов, постоянно корректируемые в процессе работы, вносятся в таблицу, которую обрабатывает один из самых мощных компьютеров современности, подключенный к базе данных джисталкерского комитета. Все сведения, от самых первых, внесенных еще до моего рождения, до самых последних отчетов вольных джисталкеров (в том числе и все мои отчеты, что

я когда-либо сдавал), учитываются при обработке данной таблицы. После этого искусственный интеллект выдает вердикт о предложении. В процентах. Так вот, мое твердое «нет» расценено как ноль процентов, и в тех случаях, когда я ляпнул не подумавши, этот электронный экзаменатор скорее со мной согласился, чем нет.

– Так что, считай, зарплату отработал, – закончил ликбез шеф. – Еще бы время ИскИна не тратить и вместо этого ты шпарить тут будешь – цены бы тебе не было.

– А что это за зверек такой, ИскИн? – заинтересовался я.

– Искусственный интеллект, деревня ты незаасфальтированная, – возмутился Руди. – Об этом еще в двадцатом веке каждый младенец знал!

– Лишние знания – многие беды, – к месту посетила меня религиозная мыслишка, после чего я снова перешел, как считал, к делопроизводству. – А польза хоть какая-то есть в моей работе? Или только электричество буду экономить на этом вашем большом калькуляторе?

– Ты точно деревня, – горестно вздохнул Руди и снова взялся за ликбез.

На этот раз рассказ шефа был короток. Компьютер такого уровня имелся на планете Земля всего один, и его время стоило безумно дорого. Это был даже не компьютер в моем понимании слова, и даже не Интернет-сеть, а некий монстрообразный паразит, возвращенный сумасшедшими компьютерными специалистами на шкуру современного Интернета и контролируемый способами, которые находились за пределами моего слабого понимания. И компания «Гном-инст» платила за каждый час работы этого монстра огромные деньги.

– Понял ты или нет, спрашивать не буду, потому что меня это совершенно не интересует. Скажи только одно: еще вопросы есть? – прошипел Рудольф Иванович, и я испуганно замолтал головой. – Ну, вот и славненько, – сразу повеселел шеф. – А теперь работай, негр, давай-давай...

Деваться было некуда, и я, возмущенно кряхтя якобы от непосильной нагрузки, прицепил к уху стрикет и нырнул в виртуал нового докладчика.

Жизнь покатила по новым рельсам, перейдя на них с послушностью поезда стрелочнику. Я стал регулярно ходить на работу. Во второй день я забыл надеть пиджак и появился на рабочем месте в строгих черных брюках, туфлях и белой рубашке. Потом пришел, сменив брюки на аккуратные черные джинсы. Ну и закончилось все тем, что я стал ходить на службу в потертом «милитари», как обычно, и никто мне это в глаза не тыкал. Пахал, как древний трактор на колхозном поле, я все тем же способом – продолжал нырять в виртуалы разработчиков проектов, имеющих общее название: «Организация возможности обучения курсантов Земли магической науке в мире Ворк». Вердикты мои разнообразием не отличались и по-прежнему тщательно проверялись ИскИном, который имел со мной по основному количеству вопросов сходное мнение (даже уважать его в душе начал и охотно поболтал бы с этим парнем о жизни вообще). Как только я успевал разобраться с существующими наработками, сразу заканчивалась рабочая неделя, и наступали выходные, которые я проводил в основном в зале сэнсэя Андрея и в компьютерном клубе «Динамо». Каждый понедельник меня ждали новые разработки, которые я начинал беззастенчиво «срезать», чем и занимался всю рабочую неделю. Постепенно я в это занятие втянулся, и оно перестало меня раздражать.

Бойцам единоборств закрытого стадиона «Гном-корпорации» и джисталкерского комитета я, как и обещал, привел бойца весом шестьдесят килограммов. Это была мой постоянный и любимый спарринг-партнер Лера, по прозвищу Ягуара. После того, что она сделала с местными чемпионами на ринге, все согласилось с тем, что я с ними, можно сказать, церемонился. Лера Ягуара как раз закончила профессиональную карьеру бойца «экстремальных безрежущих единоборств» (очень популярный вид спорта в некоторых кругах любителей остренького) и поэтому согласилась на тренерскую работу, моментально предложенную ей тут. Так что теперь ежедневно после работы я забегаю в ее зал, и мы устраиваем «контрольный

спарринг дня», на который собирается поглазеть весь стадион. Соотношение побед-поражений примерно то же, что и всегда, – в шести случаях из десяти я заканчиваю спарринг в ближайшем медицинском регенерационном кресле (благо они тут гораздо совершеннее моего домашнего), в оставшихся четырех я умудряюсь использовать преимущества лишних сорока килограммов и в кресле оказывается Лера Ягуара. Бережному и джентльменскому отношению к себе эта гибкая и верткая, как кошка, блондиночка меня отучила еще пять лет назад очень действенными способами – нокаутирующими ударами, многочисленными вывихами конечностей и парочкой переломов. Словом, нас спасает только современная медицина – иначе каждый такой бой означал бы лишение одного из нас трудоспособности минимум на месяц, а то и подольше. Вне ринга у нас идиллия – Лера считает меня чем-то вроде старшего безалаберного брата, которого надо постоянно опекать, а я вижу в ней любимую сестренку, которой у меня никогда не было (с детства мечтал о младшей сестричке-красавице). Это налагает на меня тяжелую обязанность периодически подставлять свою жилетку для слез, в которую Лера Ягуара частенько их проливает из-за постоянных неудач на фронтах личной жизни.

После контрольного спарринга я обычно иду в местный тир. Там картина кардинальным образом меняется – государственные профессионалы дают сто очков вперед частным структурам. В первый же приход протащили меня через все стрелковые тесты, и я их постыдно провалил. Вернее, не совсем провалил – показал нижнезачетный государственно-джисталкерский уровень, и не более того (разве что как лучник я оказался на высоте). А преподают тут стрельбу бывшие волкодавы из международных антитеррористических структур – и вот на их фоне все мои умения, наработанные десятилетиями тренировок в стрелковом дворце «Лужники», кажутся не более чем швырянием снежков бойцов из дошкольных воспитательных учреждений типа «детский сад». Я в первый же день получил необидную кличку Самоучка, снисходительное отношение матерых зубров к бодливому бычку и массу очень правильных советов и рекомендаций. Так что теперь после работы я с увлечением совершенствую свои навыки стрельбы.

Александр и Дмитрий постепенно втянулись в фитнес, их лица приобрели здоровый румянец, чему я был очень рад. Через пару месяцев аккуратных нагрузок Дима слез с беговых дорожек и прочно прописался в зале силовых тренажеров, штанг и зеркал, став своим человеком в сообществе местных культуристов и тяжелоатлетов. Саня нашел свое место в бассейне, и теперь под присмотром местных профессионалов часами рассекает водную гладь.

Такая идиллическая жизнь, похожая на пасхально-патриархальные пасторали голландских живописцев семнадцатого века, продолжалась несколько месяцев. Я уже начал привыкать к этому болотцу, как вдруг все закончилось. Беда началась с того, что я, как обычно, удачно завершив первую половину рабочего дня, зашел в свой кабинет, где Саня и Дима, как всегда, витали в виртуалах. Даже и не подумав предупредить ребят о предстоящем акте вандализма, я привычно подошел к электрическому щитку и обесточил помещение.

– Что, уже перерыв?! – тут же радостно заорал Саня.

– Что у нас сегодня в меню, интересно, – пробурчал Дима, вставая с табуретки, которую он притащил в офис на второй рабочий день.

После этого ребята удивленно застыли на месте, глядя на меня. Я ничего не понял, внимательно себя осмотрел на предмет незастегнутой одежды (ширинки там или чего еще) и только потом додумался оглянуться. За моей спиной молча стояло несчастное испуганное создание с кучей папок, прижатых к боку одной рукой, и корзины с вещами в другой. В этом несчастном испуганном ребенке с широко раскрытыми голубыми глазами, в которых набухли готовые в любой момент сорваться слезы, я с удивлением узнал офисную фею, оскорбительно и строго вилявшую бедрами перед нами в первый день работы. За все время моего тут пребывания имени ее я так и не узнал – очень уж заносчивая девчонка попалась.

– Чего пришла? – строго спросил я.

– Я тут теперь работаю, – жалобно проблеяла готовая вот-вот расплакаться бывшая офисная фея, сейчас больше похожая на мокрого цыпленка. – В тринадцатый отдел переведена, секретарем-референтом...

Все в офисе ошарашенно застыли, и тут в дверь вошел Рудольф Иванович.

– Тим, я что спросить тебя хотел. Ты долго еще бездельничать собираешься? – с ходу заявил Руди, как только переступил порог.

– Руд, это что? – широко раскрыв глаза, спросил я, невоспитанно тыкая пальцем в офисную фею.

– Это Леночка, ты же просил секретаршу в первый день своей тут работы. Пока запрос послал, пока согласовали – вот теперь получи и распишись, – ехидно улыбаясь, заявил шеф, потом встряхнулся и снова, как танк, попер на меня: – Но я, грозный твой начальник, не за тем пришел, чтобы тебя с твоим же референтом знакомить. Повторяю вопрос: ты долго бездельничать у меня собираешься?

– По моему мнению, пашу, как негр, с рассвета до заката! – почуввав опасность, попробовал улизнуть я от ответа. – Кстати, у меня сейчас обеденный перерыв, а это святое!

– Три минуты еще, – отмахнулся от моих необоснованных претензий шеф и продолжил беззастенчиво давить авторитетом: – И меня, как опытного плантатора, мнение рабов интересует мало. Зато интересует другое: почему негр, способный держать в руках кирку и лопату, вышивает крестиком?

– Ты обещал, что я буду только консультировать! – искренне возмутился я, начиная понимать, куда клонит этот хитрый лис.

– Так ты и консультируй, я не отказываюсь от своих слов, – в ответ хитро улыбнулся Руди, и я понял, что мне кранты. – Завтра жду от тебя развернутую консультацию, в каком направлении должны работать двенадцать моих отделов.

После этого Рудольф Иванович подмигнул мне, развернулся и вышел из кабинета. Я стоял и горестно пялился на открытую дверь, на меня испуганно смотрела новоиспеченная секретарша боевого тринадцатого отдела Леночка, и на эту картину подозрительно поглядывали краса и гордость все того же отдела за номером тринадцать, высокооплачиваемые сотрудники фирмы «Гном-инст» Александр и Дмитрий. Вот так и закончилась моя спокойная офисная жизнь...

Работа 7 Идейная

Есть идея?

Есть «Икея»!

Стенограмма с заседания исламских фундаментальных террористов

Обед прошел в задумчивой и тихой обстановке. Саня и Дима уплетали изысканные блюда со скоростью дорожных снегоуборочных машин, а я много думал (как в бородастом анекдоте про пейджер, правда, что такое пейджер, я понимаю смутно). Так что направление движения компании «Гном-инст», определившее пути развития на долгие годы, я придумал, можно сказать, под скрип челюстей в процессе пережевывания пищи, из чего можно сделать вывод: мысли все-таки текут через желудок, а еда может и должна вдохновлять!

Хотя, в принципе, я немного лукавлю. Процесс рождения идеи происходил постепенно, и ничего гениального я в тот обеденный перерыв не совершал. Мое твердое убеждение: гениальных озарений в чистом виде не бывает – вот такой вот парадокс. Сейчас объясню.

Меня спросят: а Менделеев с периодической таблицей? А Ньютон с его яблоком? Я же в ответ задам резонный вопрос: они в какой области знаний открытия сделали? Правильно, в той области, где эти ребята являлись профессионалами экстра-класса, мало того еще и работающими прямо на переднем крае. Их гениальные озарения на девяносто девять процентов являются плодом многолетнего труда. Как раз та самая ситуация, когда перышко, упавшее на нагруженного верблюда, свалило могучего зверька. Интересно мне было бы посмотреть на верблюда, который действительно упадет от веса единственного перышка. Хотя возможны две ситуации: во-первых, если это цирковой верблюд-симулянт, во-вторых, если все происходит в горячечном бреде, более известном под названием «глюк». Ну, еще вероятны в теории форс-мажорные обстоятельства: землетрясение вовремя случившееся, бандитская пуля в верблюда попала в самый ответственный момент и прочие несуслажности.

Так что не бывает гениальных озарений в чистом виде, и точка. Не сможет глухой от рождения дядя Вася по фамилии Булочкин, сантехник по профессии, не зная даже нотной грамоты, написать великое симфоническое оркестровое произведение. И парень по имени Маугли теорему Ферма в жизни бы не доказал, с его-то лесным образом жизни. А выражения типа «Устами младенца глаголет истина» тоже ряд сомнений вызывают. Всякий раз, когда ребенку приписывается неземная глубина мыслепостроений, неизменно оказывается, что пацаненок (или девчушка) имели в виду вовсе не вопросы о смысле бытия, а очень даже конкретные вещи вроде газировки или мороженого.

Что касается моего «обеденного озарения». Хитроумный шеф не стал меня сразу склонять к работе, а дал время освоиться, повариться в общей каше, так скажем. И когда понял, что плод по имени Тим созрел, тут он и потряс чуть-чуть деревце моего интеллекта, с которого скатилось почти готовое к употреблению яблоко решения. Это еще раз говорит в пользу высокого профессионализма Руди, да и о моей предсказуемости и управляемости общее представление дает. В общем, я так и не решил – гордиться мне своей конгениальностью или по этому поводу стоит лучше поплакать. Да и ничего нового я, в принципе, не придумал. Все куски решения были равномерно разбросаны по огромному количеству докладов, которые я на пару с ИскИном «срезал» за время работы в фирме. Так что если вдумчиво покопаться, то решение проблемы мне приписывать никак нельзя – все, что я предложил, не раз уже предлагалось (только не одновременно и в жутком смешении с высокзатратной глупостью) сотрудниками других отделов. Разве что одну вещь придумал я сам, но об этом чуть позже.

Словом, факт остается фактом – после обеденного перерыва я уже сидел у Руди в кабинете и излагал общие направления развития фирмы «Гном-инст».

– ... получается, проект «Монастырь» имеет почти семьдесят процентов удачи у ИксИна, – завершил я перечисление вариантов более-менее приемлемых разработок двенадцати отделов. – Но воплощение этого проекта займет чуть меньше полувека. На этом закончили, так?

– ИксИна, – привычно поправил меня Рудольф Иванович, потом недовольно рыкнул, аки зверь лесной, вскочил и забегал по кабинету. – Топчемся на месте уже скоро полгода как...

– Ну слушай, – начал говорить я, и Руди, как породистая легавая, взявшая след, сделал стойку. – Знаешь принцип работы фокусника? Престижителя, который ловкостью рук промышляет.

– Ну да, кто ж этого не знает, – удивился шеф. – Привлекай внимание к одной руке и второй твори что хочешь.

– Ну вот! Теперь смотри – отчего у нас разваливается основное количество проектов?

– Чрезмерное внимание местного населения, рано или поздно накопится напряжение и начнется «война с нечистью». А местные ребята на такую войну натасканы тысячелетиями, – четко, как по учебнику, отбарабанил Рудольф Иванович, не выдержал и сердито проворчал: – Древние уродские магические экспериментаторы...

– А почему «шаолиньский магический монастырь» так долго развивать, напомни, пожалуйста...

– Кадры очень тщательно подбирать надо и все в атмосфере повышенной секретности держать. Опять же подкуп не применить и все строить на имидже придется, – ответил Руди, потом прищурился и сказал: – Ты давай со мной не темни. Что удумал?

– Нужен отвлекающий фактор, как у престижителя. А какой самый лучший отвлекающий фактор в мире Ворк?

– Какой?

– Для Той Стороны – Эта Сторона и наоборот! – заявил я и гордо взглянул на шефа.

– Ну да, в принципе, – пробормотал Руди и на минуту задумался. – Но ведь если затевать противостояние, оно же в конфликт выльется! Каждая сторона свои силы подтягивать начнет. Да и где все это прикажешь затевать? На Ничейной территории, неподалеку от пограничных крепостей? Большую войну провоцировать?

– Острова, – сказал я всего одно слово, и Руди прекратил бегать по кабинету и сел напротив меня.

– Но там же не живут коты мира Ворк, – пробормотал Рудольф. – А близость к Институту хотя бы одного прайда котов повышает по всем таблицам успешность проекта почти на двадцать процентов...

– Эмиграция, – снова сказал я всего одно слово, которое и было моим ноу-хау, и Рудольф Иванович застыл столбом минуты на четыре.

– Тим, ты голова! – с уважительным восхищением негромко сказал шеф после продолжительного молчания.

– Только про палец в рот не надо, – ухмыльнувшись, попросил я.

– У тебя всего один недостаток... – так же восхищенно продолжил Руди, потом скорчил хитрую мину и закончил мысль: – Дурак ты, и шутки у тебя дурацкие.

– И ведь не оспоришь, якорный батор... – согласился я, и мы принялись за обсуждение предстоящего дела.

До самого вечера мы с Рудольфом занимались тем, что в крупных компаниях называется «постановка задачи». Это только кажется простым – на самом деле мы, не разгибая спины, тру-

дились над проектом еще пару недель после «гениального обеденного озарения». Весь следующий день мы с шефом тоже провели в его кабинете, и под вечер разбивка задач была успешно осуществлена, техзадания спущены вниз по всем двенадцати отделам и работа в фирме «Гноминст» закипела, как никогда ранее. Если коротко, без технологических подробностей, описаний и прочей бюрократическо-технической шелухи, то план действий нарисовался такой.

Найти подходящий большой остров (чем больше – тем лучше, в идеале размером с земные Мадагаскар или Кубу), находящийся в южных широтах на другой стороне планеты, как можно дальше от единственного материка мира Ворк, с целью затруднить возможность подхода сил подкрепления к любой из сторон. Организовать подконтрольное фирме «Гноминст» поселение, состоящее из местных ребят (выглядящее поначалу как два отдельных поселения Этой и Той Сторон). Острова заполнены враждебной жизнью, и горячим головам найдется на ком спустить пар, так что первое время бойцы обеих сторон, с достаточно высокой степенью вероятности, схлестнуться между собой не должны. Еще один немаловажный фактор, говорящий в пользу поселения враждебных фракций в одном месте, – присутствие в населенном пункте представителей одновременно Этой и Той Сторон облегчит в недалеком будущем вербовку высокопрофессиональных магических кадров для преподавания, так как возможность выбора увеличится вдвое. Особое место в постановке задач (два отдела Рудольфа Ивановича мы поставили исключительно на это направление) уделялось предварительной организации на выбранном острове обустроенной территории для жительства прайда котов мира Ворк.

В процессе этого как-то очень ненавязчиво получилось то, что наш тринадцатый отдел, и так имевший статус привилегированного, стал главным штабом фирмы. Дима и Саня, успевшие к тому времени освоиться, стали просто незаменимыми людьми – все-то они делали вовремя, бумаги составлялись, подписывались и отправлялись по инстанциям, необходимое оборудование было заказано и предоставлено – словом, клад, а не парни. Секретарша Леночка, первое время ходившая по коридорам фирмы как испуганная серая мышка (так как считала свой перевод к нам жутким понижением в должности), снова задрала свой курносый носик и бегала по всем кабинетам, выполняя курьерские поручения, с гордым видом большой шишки. Хотя надо отдать ей должное – понятие субординации у нее было в крови, и ее задранный нос не распространялся на приятелей-предпринимателей. Меня Леночка начала бояться до печеночных коликов (как же, ежедневно на три часа я запирался с шефом в кабинете, и оттуда на весь пентхаус доносился изредка жуткий ор, когда мы не сходились во мнениях), при виде моего потертого хаки впадала в ступор и прижималась к стене, стараясь слиться с ландшафтом и выглядеть неприметной. Я, впрочем, ее действительно не замечал, до поры до времени...

Наконец абстрактная задача была профессионально разбита на конкретные техзадания, все двенадцать отделов дружно отработали, переводя мою конгениальную идею в развернутый план, пригодный для скормливания ИскИну, и самый мощный компьютер Земли поочередно заглотил все эти наработки. Рудольф Иванович на радостях после работы устроил небольшой корпоратив (я общественное мероприятие манкировал и весь вечер провел в зале сэнсэя Андрея), на котором мои уже слегка спортивные приятели-предприниматели вспомнили старое и оторвались в плане потребления алкогольной продукции. Потом Саня и Дима учудили нечто, так и оставшееся для меня загадкой, что, однако, повлекло за собой недельное восторженное перешептывание у всего женского коллектива фирмы «Гноминст».

* * *

На следующее утро я, придя на работу, как всегда, первым делом привычно зашел в кабинет к Рудольфу Ивановичу. Застал шефа в отличном настроении. Он, что удивительно, не витал ни в одном виртуале, а, как древний клерк, просматривал бумаги, лежащие в богатой кожаной папке.

– Ну что там с результатами? – поинтересовался я после обмена приветствиями.

– Отлично, – расцвел Руди. – Семьдесят семь процентов, больше, чем у «Монастыря». И срок не полвека, а полтора года. Блеск!

– Шик, – согласился я, тоже порадовавшись. Все-таки общая работа затягивает.

– Только для тебя есть один не совсем положительный моментик, – испортил триумфальную минуту Руд и оценивающе взглянул на меня, как бы гадая, стоит мне это говорить или нет. – Семьдесят семь процентов ИскИн дает при выполнении некоторых участков работы определенными людьми. Там и список есть рекомендованных им джисталкеров – название работы, и под ним ряд имен, в порядке рейтинга спрогнозированной удачи.

– Ну, так найми их, «Гном-инст» может все, – ухмыльнулся я.

– На, сам погляди, – ехидно хмыкнул шеф и всунул мне в руку дорогую кожаную папку.

Через три минуты папку пришлось вернуть широко улыбающемуся Рудольфу Ивановичу, а я присел на край стула и жалобно посмотрел на своего шефа. Молчание затянулось минуты на три.

– Может, не надо, а? – без малейшей надежды спросил я.

– Надо, Федя, надо! – радостно выдал Руди. – И чего ты такой недовольный? Любой другой на твоём месте, наоборот, возгордился, и пришлось бы его с небес на грешную землю спускать.

– Чем гордиться-то? – удивился я. – Тем, что твой ИскИн полный придурок? Я что, могу сам себя клонировать в трех экземплярах? Людей нельзя использовать как тройник розетки, ты в курсе?

Как вы уже догадались, по трем основным направлениям (работа с Этой, Той Сторонами, а также все движения по котам) ИскИн из огромного количества практикующих джисталкеров-одиночек и команд высококлассных специалистов на первую позицию рейтинга выдвинул некоего джисталкера, проходящего по всем спискам как «джисталкер Тим».

– Ты тут прекращай прикидываться чайником, хотя бы по серьезным вопросам, – ехидно попросил шеф и опять протянул мне папку с бумагами. – Это же теоретически идеальная ситуация, как стопроцентное КПД у двигателя, чего на практике не бывает. Есть и более приземленные разработки, почитай. Тебе всего-то надо для этого папочку снова взять и одну страничку перевернуть.

Пришлось вернуться к чтению документов в папке, хоть листы бумаги как носители информации вызывают у меня что-то вроде аллергии головного мозга, ибо это либо бюрократическая чушь, либо (что еще хуже) реклама, а то и вовсе какая-нибудь официальная пропаганда.

Сведения оказались неутешительные. Если с работой по Этой и Той Сторонам еще худо-бедно имелись равноценные кадровые замены мне, великому, то с котами мира Ворк дела обстояли значительно хуже. Я долго читал эти белые листочки, вглядывался между строк, отыскивая тайные знаки или намеки на сокрытые многовековые секреты, но ничего нового так и не нашел. Из резюме ИскИна (что-то я разочаровался в умственных способностях этого парня) четко следовало, что, если работой по набору местных специалистов на территории Этой и Той Сторон будут заниматься джисталкеры, которых зовут не Тим, то вероятность удачного исхода всего проекта снизится в общей сложности процентов на семь, не более. Но вот если некий джисталкер Тим не будет заниматься котами, то вероятность неудачи увеличится почти на двадцать процентов.

– Тайм-аут день возьму, – нерадостно буркнув, поставил я в известность свое непосредственное начальство о том, что еще ничего не решил.

– Конечно-конечно, – преувеличенно вежливо согласился шеф, хитро шурясь, как кот, переевший чужой сметаны.

– И один день отгула, – все так же недовольно продолжил я.

– И для этого препятствий не вижу, – довольным голосом ответил Руди.

Через пять минут я уже выходил из здания джисталкерского комитета, причем куда меня ноги понесут – представлял смутно. Просто не хотелось сидеть в конторе, и все тут. Побегал по осеннему городу, прошелся туда и обратно по Бульварному кольцу, в который раз расстроившись из-за того, что невозможно сделать полный круг. Под конец не выдержал и забрел в компьютерный клуб «Динамо», откуда выбрался уже под вечер и отправился спать.

Утром встал и не придумал ничего более умного, как пойти на работу. В свой отдел заходить не стал, а отправился, как всегда за последние две недели, сразу в кабинет к шефу. Руди уже был на месте. По-моему, он с работы совсем не уходит, так и живет в этом офисном пентхаусе. Во всяком случае, все, с кем я разговаривал по этому поводу, как бы рано ни приходили на работу и как бы поздно ни покидали рабочее место, ни разу так и не пришли раньше и не ушли позже его. Из этого я сделал вывод о том, что он находится в офисе всегда! Ценный предмет офисной мебели, инвентарный код «шеф», в количестве одного экземпляра.

– Руди, ты мне должен пообещать одну вещь, – начал я сложный разговор после обмена вежливостями, практикуемого людьми при встрече и заключающемся в слове «привет», произносимом с радостным выражением лица.

– Заранее обещать не могу, – посмеиваясь, ответил Руди. – Но ты попробуй, поделись.

– Я к тебе с серьезным разговором! – тут же возмутился я. – А ты ведешь себя как... я!

– Во! Почувствовал, каково побывать в моей шкурке? – тут же искренне обрадовался шеф. – А я тебя каждый день терплю! Мне прижизненный памятник положен.

– Будешь слушать или нет?

– Излагай.

– Словом, я возьмусь за котов, но с одним условием. Ты мне должен пообещать одну вещь, – сказал я и запнулся, так как мне на мгновение показалось, что я уже это говорил.

– Не тяни кота за... хвост!

– Если проект развалится, фирма там обанкротится или еще что... – быстренько перешел я к сути дела, – то ты со мной в доле. Не как сотрудник «Гном-корпорации», а как ответственный человек, которого я уважаю, и мой друг.

– В чем конкретно в доле? – заинтересовался Рудольф.

– Я сейчас буду заниматься тем, что попытаюсь сдернуть котов с их родного места. Если это получится, без нашей помощи прайд на островах не выживет.

– Понял.

– Ну и придется переселять их обратно, а это ужасно затратное дело – боюсь, у меня не хватит своих сбережений...

– Да понял уже. Считай, я с тобой в равной доле во всех начинаниях.

– Тогда у меня все. Когда приступать к работе? – перешел я на шутливый тон и (исключительно, чтобы позлить Руди) приложил руку к пустой голове.

– А когда сможешь, клоун? – спросил шеф, скривившись уже не так сильно, как морщился в первое время.

– Да хоть завтра, – бесшабашно выдохнул я.

– Вот и отличненько, – обрадовался начальник «Гноминста». – Завтра и отчаливай.

– Разрешите покинуть кабинет? – вытянувшись по стойке «смирно», проорал я.

– Вали, и чтоб глаза мои тебя не видели! – сердито прошипел Руди, но в уголках его глаз собрались веселые паутинки морщинок.

– Есть, сэр! – рявкнул я, опять приложил руку к пустой голове, четко развернулся и строевым шагом покинул кабинет.

Вслед мне полетел пустой пластиковый стаканчик.

Работа 8

Отправная

Фальстарт находится где-то между фальшивым пением и фальшивой купюрой.

Легкоатлетические размышления

Процедура отправления в этот раз мало напоминала обычные старты из нашего бывшего скромного офиса, существование в котором уже вспоминалось как некий интересный, но неправдоподобный сон. В принципе, имелась возможность старта из зала гашек-камер государственной джисталкерской службы, но Рудольф Иванович, с подачи моих приятелей-предпринимателей, решил, что это не солидно и сумма, которая потребуется на содержание своего зала старта, – капля в общем море трат и расходов. Возможно, это выглядело ошибкой, но в свете последующих событий данное решение оказалось как нельзя более кстати – сор из избы не вынесли. Впрочем, я, как всегда, немного вперед забегаю...

Начну с того, что мне не пришлось бегать, высунув язык, по всему городу перед прыжком, чтобы достать необходимую для работы одежду и снаряжение. Как вы догадываетесь, прокат одежды, находящийся в огромном торговом центре продаж внеземных артефактов, являлся таким же подразделением огромной «Гном-корпорации», каким являлся сам «Гном-маркет» и фирма «Гном-инст», где в данный момент несли службу Саня, Дима и я. Все, что обычно заказывалось для прыжка, было доставлено прямо к залу старта без всякого упоминания с моей стороны – оставалось только расписаться в ведомости, и все (несомненная заслуга делопроизводителя тринадцатого отдела Александра). Та же ситуация получилась с золотой наличностью – нужная сумма в полновесных монетах, заключенных в кожаный кошелек, ждала меня на столике, стоящем прямо перед гашек-камерой, на котором помимо этого находился еще и компьютер управления с готовым «ключом» переноса (эта часть ответственности досталась Дмитрию). Так что определенные преимущества при работе в крупной компании имеют место быть.

Опять же с Борисом Кузнецом значительно проще стало общаться с позиции крупной фирмы. Если раньше капризный кузнец мог отказаться ковать специально под меня вещишки, мотивируя это тем, что у него на складе и так богатый выбор и нечего зря железо мять, то теперь налицо была обратная ситуация. Правда, почему-то, как только я смог вертеть Борисом по собственному усмотрению, мне это стало неинтересно, и теперь чаще всего при визитах на его великолепную кузницу выбираю предметы из ассортимента готовых изделий.

Кстати, в последнее время Руди с моей подачи всерьез заинтересовался Борисом Кузнецом и его работой и тщательно копает под него вот уже в течение месяца, с целью заполучить эту умную голову в свою хед-хантерскую коллекцию (не одному же мне мучиться в его школьном альбомчике распятых булавками бабочек!). Кузнец отчаянно сопротивляется, но у Рудольфа Ивановича последние пару недель, как только заходил разговор о Борисе, в глазах загорался сумасшедший огонек фаната-коллекционера, при этом в подвале небоскреба джисталкерского комитета у фирмы «Гном-инст» вдруг нашлись помещения под производственные мощности (об этом мне сообщил Саня), причем никем не задействованные. Так что, думаю, Борису осталось летать свободным, как птичка, уже недолго.

Утро перед моим первым прыжком, который я должен был совершить не в качестве вольного джисталкера, а как сотрудник крупной корпорации, прошло без особых происшествий. Как только встал – сразу залез в ванну, в теплой воде которой предварительно растворил оттеночную зеленую краску для кожи. Принял последнюю таблетку химии для нужного хищного запаха, потом сложил в специальный чемодан все причиндалы для перекидывания в орка (кол-

лоидную маску, вставную клыкастую челюсть и прочая) и отправился на работу. Подойдя к залу, в котором стояло два десятка наших гашек-камер, расписался в парочке ведомостей и получил все необходимые для джипрыжка вещи. Затем зашел в раздевалку, удобно расположенную рядом с залом камер, напоминающую переодевалку в спортзалах и оборудованную душевой, небольшой сауной и прочими удобствами. Переодевшись в средневековую одежду и амуницию, запер в удобном личном шкафчике свои гражданские (если так можно выразиться о потертом «милитари») вещички и вышел к месту старта.

Перед самой гашек-камерой меня привычно затрясло (всегда, сколько себя помню, перед любым прыжком в иной мир меня охватывает веселая предстартовая дрожь), и я взглянул на сослуживцев из родного тринадцатого отдела Саню и Диму, которые, как всегда, находились рядом со мной. Чуть в стороне стояли еще с десятков сотрудников фирмы «Гном-инст», из числа тех, что не хотели пропустить торжественного момента начала работы. Люди собрались опытные, и моя орчья физиономия ни у кого не вызвала и тени нездорового интереса. Врач (тот самый доктор в белом халате, который встретил нас в первый день посещения местного закрытого стадиона) подошел ко мне, улыбнулся, освидетельствовал состояние здоровья ручным диагностическим прибором, расписался в ведомости и отошел от стола.

Обстановка царила какая-то предпраздничная, и поэтому бутылка водки, невзначай появившаяся в руках у Сани, пришлась очень даже к месту.

– Ну, желаю, чтобы все... – традиционно произнес Саня незабвенный шариковский тост.

– И вам также, – привычно отозвался я ироничной фразой доктора Борменталья, и мы опрокинули в себя по пятьдесят граммов обжигающей жидкости.

Задержав на мгновение дыхание, я выдохнул носом уколотившие обоняние алкогольные пары и решительно шагнул в камеру старта. Дима помудрил с небольшим компьютером, стоящим рядом с гашек-камерой, и буквально через пять секунд я оказался в привычном виртуале древней компьютерной игры, являющейся «ключом» к переходу в мир Ворк.

Через положенные тридцать секунд в глазах полыхнуло, и я очутился на знакомой до боли поляне, с которой начинались мои приключения в мире Ворк в девяноста процентах случаев. Перенос произошел идеально – я оказался буквально в пяти сантиметрах над поверхностью, так что ощущения при прикосновении к земле напоминали прыжок с невысокой ступеньки загородного дома на газонную травку.

– Хорошо-то как! – не удержался я от довольного возгласа, вдохнув полной грудью пьяный лесной воздух, от которого кровь в жилах просто закипела, заставляя тело двигаться в разы быстрее, чем обычно.

После этого я оглянулся, радостно подумав, что маскировать следы своего прибытия на этот раз не придется, – и тут мир померк у меня в глазах. Только через долгую минуту, проведенную в темноте, я окончательно осознал ужаснувшую меня истину – я стою в камере старта, которая обесточена. Я, впервые в своей джисталкерской практике, нарвался на явление под названием «дисконнект» – бич древних джисталкеров-первооткрывателей.

Первое, что я увидел, выйдя из гашек-камеры под искусственный свет зала старта, было строгое лицо нашей секретарши Леночки, которая с недоумением посмотрела на меня и начала с весьма многозначительной миной:

– Рудольф Иванович попросил... – и тут эта офисная фея увидела мою перекошенную орчью рожу, так что конец фразы был больше похож на панический всплеск цыпленка, чуть придушенного кошкой, – без него не начинать...

Не знаю уж, каким образом рядом с местом предстоящих событий оказался тяжелый железный лом (возможно, оставили монтажники, окончательно смонтировавшие зал часа за два до этих событий), но он пришелся как нельзя более кстати. Мои глаза заволокла ярость берсерка, и, чтобы не задушить эту глупую блондинистую курицу, я схватил первый предмет,

подвернувшийся под руку (им оказался искомый лом), развернулся и начал крошить бедный, ни в чем не повинный аппарат, который вернул меня обратно в наш мир. Как мне потом рассказал Саня, лом в моих руках со стороны выглядел размытым, как винт у взлетающего вертолета, по всему залу сначала полетели пластмассовые детали, а чуть позже искры, высекаемые ударом большого железного карандаша о металлический каркас гашек-камеры.

Потом я, глядя на то, что умудрился в гневе соорудить из примитивной гашек-камеры с одним ломом в руках, поражался буйству фантазии великого бога случайностей, носящему в среде виртуальных атлетов гордое имя Рандом. Картина была достойна кисти Рафаэля, если бы великий мастер начал вдруг злоупотреблять тяжелыми наркотиками и при этом одновременно впал в детство. Этот образчик абстрактного искусства вызывал не объяснимую никаким рациональным способом оторопь. Руди, когда увидел сей шедевр офисного творчества, наотрез отказался сдавать безнадежно испорченную гашек-камеру в утиль. Сейчас эта статуя в стиле сумасшедшего киберпанка стоит в зале старта компании «Гном-инст» на самом почетном месте, и ею пугают новичков, рассказывая сказочные страшилки о том, какой ужас может иногда забрести в наш мир из иных реальностей. Хотя, по-моему, каждый знает, что в наш мир извне попасть никому (даже бактериям) невозможно, но при взгляде на то, что я соорудил из обычной гашек-камеры, и сам иногда начинаю в сказки верить.

Возможно, я бы и более гениальное изделие (хотя куда уж дальше-то) из примитивной гашек-камеры создал, но мне помешал шеф.

– Техническое усовершенствование устаревшего оборудования? – раздался командный голос Рудольфа Ивановича, перекрывший грохот лома в моих руках. – Почему без согласования с руководством? Я бы под апгрейд серьезную сумму списал...

Может, я к этому времени подустал, а может, по какой другой причине, но крушить аппарат перестал, повернулся к шефу, трясущимся пальцем с черным когтем ткнул в бедную Леночку и жалобно прорычал:

– Руди, а давай мы эту курицу зажарим и съедим?

Это оказалось последней каплей, и после моих слов Леночка закатила глазки и с размаху попыталась удариться тельцем об пол – благо ее успел подхватить довольный жизнью Саня, неплохо подкачавший мускулы брассом, кролем и баттерфляем в местном бассейне.

– А что случилось-то? – удивленно проговорил Рудольф Иванович, немного ошарашенно переводя взгляд с Леночки, висящей, как блондинистая тряпочка, на руках Александра, на меня, потом на Диму, с философским видом сидящего за компьютером, и обратно на офисную фею, не подающую признаков жизни.

– Похоже, с твоей подачи устроен мой первый в джисталкерской карьере дисконнект, – рыкнул я уже на шефа, развернулся и решительно отправился в раздевалку, злобно ворча себе под нос: – Сами тут как-нибудь справляйтесь теперь. Без меня...

Переодеваться я начал в гордом одиночестве – никто не решился следом за мной войти в раздевалку. Примерно через пару минут дверь открылась, и в комнату со шкафчиками вошел Рудольф Иванович. Я продолжил приводить себя в порядок, не обращая никакого внимания на шефа.

– Ты это... извини, – сказал Руди и виновато взглянул на меня. – Я на заседании совета «Гном-корпорации» задержался.

– Мне бы позвонил, знаешь же мобильник, – недовольно пробурчал я. – На край – Сане или Диме. Но никак не этой глупой курице.

– Да на автомате в ваш кабинет звякнул, Леночка трубу взяла, я и передал как просьбу. А она вон что учудила, – покаялся шеф и тут же поинтересовался дисконнектом: – А что, совсем плохо было?

– Да не то чтобы плохо, – уже достаточно спокойно проговорил я, пытаюсь передать словами свои сложные чувства. – Представь, что тебя пинком с постели сбросили прямо перед... ну, сам понимаешь.

– Даже так? – удивленно протянул Руди.

– Ну, не совсем, – задумался я, продолжая подбирать слова. – Скорее так: ты собрался стометровку бежать с низкого старта. Рванулся изо всех сил, а в четырех метрах от стартовой черты – стена бетонная вдруг возникла. Вроде и не особо покалечился, а попытка убиться об стену налицо. И все сопутствующие ощущения.

– Ладно, прости, – еще раз покаялся Рудольф. – Я ж не мог додуматься до того, что Леночка инициативу вздумает проявить, все пломбы сорвет и гашек-камеру обесточит после того, как Дима откажется тебя возвращать.

– Точно нельзя ее зажарить и съесть? – мечтательно поинтересовался я у шефа.

– Хочешь – уволю ее, если тебе это надо.

– Да ладно, пусть бежит пока, – чуть поостыл я. – Только передай лично, что в следующий раз за такую инициативу я ей нос откушу – и ничто меня не остановит. В качестве секретаря-референта можно и без носа поработать, да и не нужен особо-то ей нос, только задирает его зазря. Сам ей скажи, без посредников и прочих передатчиков.

– Это передам, как очнется. И стоимость гашек-камеры у нее из зарплаты вычту.

– Да не, не надо, – протянул я. – Неправильно это как-то...

– Хотя да, сам я тоже виноват. И ты к порче инвентаря немного руку приложил, – согласился шеф. – Ладно, не бери в голову, придумаем что-нибудь.

– Но сегодня не пойду в прыжок, даже не проси, – отрезал я. – В ноль настрой сбит.

– Не настаиваю. На завтра все отложим, не горит особо.

– Вот и ладушки, – завершил я разговор, мы с Руди хлопнули по рукам, и шеф покинул раздевалку.

* * *

Выйдя в зал старта, я обнаружил толпу сотрудников «Гном-инста» во главе с бессменным лидером предприятия Рудольфом Ивановичем вокруг покореженной гашек-камеры. Толпа восхищенно гудела, обсуждая изящные формы получившегося шедевра декоративно-прикладного искусства, и я прошел мимо никем не замеченный.

«Блондинка блондинке рознь», – посетила меня здравая мысль, и я отправился на стадион, в зал к Лере Ягуаре, чтобы привести голову в порядок.

С этой дикой кошкой я провел в тот день в общей сложности боев десять. Фантастическая скорость движений у этой девчонки – при этом ее маленькое тело сделано из гвоздей в лучшем для меня случае. Мягких мест у Леры в организме просто нет – либо кости, либо мышцы, по твердости костям не уступающие. А как она держит удары!

Нервы пошаливали, поэтому в первых пяти боях я был каждый раз жестоко избит. На ринге Лера Ягуара снисхождений не делает, но после схваток, когда я приводил организм в порядок под жужжание регенерационных кресел, моя названная сестричка всячески отговаривала меня от следующих попыток. Но я был непреклонен и снова пер на рожон – и был снова бит. На шестой раз мозг со щелчком встал на свое место, я начал двигаться как расчетливый механизм и как следствие отволок Леру в кресло, которое я пять раз занимал до этого. После чего мы провели еще четыре спарринга уже в нашей стандартной манере.

«Блондинку блондинкой вышибают», – с улыбкой подумал я, покидая зал Леры Ягуары.

После сеанса шоковой терапии я немного отошел от психологической травмы первого в жизни дисконнекта. Остаток дня провел в виртуалах разнообразных игр в компьютерном

клубе «Динамо», приводя психику в окончательный порядок. Домой пришел поздно и завалялся спать.

Следующее утро было абсолютным клоном предыдущего, разве что ванну с краской принимать не стал, потому что и так имел тело и физиономию интенсивного зеленоватого оттенка. На работе все тоже выглядело копией вчерашнего дня, разве что рядом с камерой, кроме Сани и Димы, меня встретил любимый шеф, да и сослуживцев вокруг находилось не скромный вчерашний десяток, а, пожалуй, раза в три больше. Все разглядывали покореженную аппаратуру, уже занявшую самое почетное место в зале, иногда поощрительно поглядывали на меня, показывая жестами, что являются поклонниками моего таланта скульптора. Секретарши Леночки, что характерно, на горизонте не наблюдалось.

Саня при виде меня заговорщически подмигнул шефу, и тот, как фокусник, извлек из воздуха поднос с четырьмя наполненными рюмками.

– То, с чем невозможно бороться, надо сделать доброй традицией, – озвучил Руди свой поступок, после чего принял участие в нашем традиционном предпрыжковом опятидесятиграммливании.

После этого к нам подошел доктор и освидетельствовал мое здоровье. Тут меня затрясло – тело почуяло приближение джипрыжка, и я наконец-то успокоился, как бы странно это и ни прозвучало.

«У меня все получится», – привычно крутанул я в голове настройку на успех и решительно шагнул в гашек-камеру.

Дима завожился с управляющим компьютером, и через пять секунд я оказался в виртуале старинной интерактивной игры. Встав рядом со схематичным изображением небольшого и почему-то зеленого гоблина (хотя каждый ребенок знает, что у гоблинов коричневая кожа), я застыл в ожидании. Через тридцать секунд вспышка света ударила прямо в мозг, минуя зрительный нерв, и я переместился в другой мир, на этот раз надолго...

Часть вторая

Основная работа

Работа 1

Встречальная

– Где это я?

Первый вопрос российского туриста в турецком отеле на следующее утро после приезда

Что удивительно, перенос сна произошел практически идеально. Оказался над поверхностью земли сантиметрах в двадцати. Очутившись на траве, присел и инстинктивно застыл на месте, ожидая дисконнекта. Потом встряхнулся, пробормотал: «Это, похоже, паранойя» – и огляделся. Утреннее солнышко освещало яркую зеленую травку, пели птички, и стрекотали насекомые. Идиллическую картину изредка нарушал одинокий кошачий ор, раздававшийся неподалеку – пел какой-то котенок.

– Здравствуй, Ворк! – выпрямившись во весь рост, радостно крикнул я.

«Здравствуй, Тим!» – сказал мне молодой кот, выпрыгивая на поляну.

Через секунду вокруг меня завертелся рыже-белый шерстяной вихрь. Котик радостно взлетал в воздух на метр-полтора, мягко приземлялся на четыре лапы, чтобы сделать следующий быстрый оборот вокруг моих ног и снова взмыть вверх (напоминаю: этот меховой мячик имел вес под четыре пуда, и потому картина выглядела просто феерично), при этом не забывая окатывать меня волнами телепатического веселья. Я стоял в центре этого водоворота и смеялся – общаться с котами мира Ворк очень приятно, особенно после достаточно долгого перерыва.

«Сусанин, хватит уже! У меня голова закружилась», – взмолился я под конец, котик сжался, присел на травку и принялся умываться.

Я подошел к зверю и почесал его за ушком. Сусанин зажмурился, прилег, и я плюхнулся на травку рядом с ним. Мы стали общаться.

Это был не тот Сусанин, котенок-подросток, приведший меня на войну котов с пауками, о чем я упоминал уже как-то раз. Я беседовал с его сыном, Сусаниным-младшим. Тогдашний котенок, при мне сказавший свою первую связную фразу, звучавшую: «Я – Сусанин!», сейчас серьезный отец семейства и заботится о своем втором выводке. Сусанин-младший – его сын из первого помета, случившегося три года назад. Впрочем, несмотря на молодость, рыжий в белую полоску котик был уже могучим и опытным бойцом – мы с ним даже летали в Оргбург на дирижабле, в последний мой прыжок сюда, чуть больше полугода назад. Кстати, это был мой последний поход в качестве вольного джисталкера. Ну, не будем о грустном...

«... Я его и куснул-то несильно, а он мне лапой по морде! Я тоже в долгу не остался – и вот Старшие коты на неделю нас в патрулирование определили на разных концах леса. А ты как там? Давно что-то не был у нас», – закончил тем временем вываливать на меня лесные сплетни Сусанин-младший – ужасный болтун, в отличие от Рыжика.

«Да у меня ничего интересного», – честно сказал я коту, так как, с его точки зрения, у меня в жизни действительно ничего интересного не произошло.

«Без нас, котов, жизни нет!» – гордо заявил Сусанин-младший, и я был вынужден с ним согласиться.

«Сусанин, тут такое дело – мне нужен Старший кот. Но не любой, а конкретный вожак – мой Рыжик», – после обмена новостями взялся я за дело и сразу переложил на котика часть задачи, которая стояла передо мной.

«А скажешь ему, чтобы ошейник мне дали?» – тут же попросил меня рыже-белый шантажист.

«Сусанин!» – мысленно прикрикнул я на него, но не сдержался и хихикнул, так что кот не воспринял мой воспитательный порыв всерьез.

Ошейники Бориса Кузнецца на первых порах здорово мне помогли в деле освоения мира Ворк. Сделанные по моим эскизам специально под котов, ошейники имеют бронированные накладки, защищающие шею. Также эта амуниция оборудована дистанционно включающимся виброрежимом и управляется кольцом-когтем, позволяющим его активировать на дистанции до километра. Оба предмета оборудованы подзарядкой от движения. Помимо этого на ошейник можно прикрепить огромное количество усовершенствований типа электрокристаллов, фонарей, вспышек, объективов слежения и прочих приспособлений. Борис каждый раз придумывал что-то новое, так как его натура творца начинала протестовать при попытках поставить изготовление любого предмета на поток, то есть занятия ремесленничеством. Правда, все приспособления достаточно быстро выходили из строя, а то и вовсе деформировывались в чужом мире, чего нельзя сказать о самих ошейниках и о колечках управления – те благодаря простоте конструкции и невероятному таланту Бориса оказались неубиваемыми.

Для котов ошейники стали самым удобным способом бесшумной связи на расстоянии и передавались между прайдами в случае острой необходимости. Со временем я притащил таких устройств достаточно приличное количество, и у некоторых котов (в частности, у моего друга Рыжика) ошейник остался в личном пользовании. Но конечно же этой амуниции на весь лес по-прежнему не хватало, и ошейники среди котов мира Ворк высоко котировались (котами котировались – каламбур получился!). Если кот, случайно повстречавшийся вам в лесу, имеет ошейник – можно с достаточной долей уверенности предположить, что это вожак прайда или как минимум член совета вожаков леса.

Так что Сусанин пока усами не вышел такой знак отличия носить, и он это где-то в глубине души понимал.

Но при последнем нашем походе я выдал ему ошейник (который после возвращения Рыжик тут же у подчиненного отобрал), и теперь у котика возникла по этому поводу идея фикс.

«Ошейник хочу!» – снова начал канючить Сусанин, вскочил и запрыгал вокруг меня, иногда толкая мягкими лапами.

Я не поддался на провокацию, с невозмутимым видом остался сидеть, потом резко выбросил руку и поймал котика за шкурку. После этого мы стали возиться в траве, как дети в песочнице, – коты мира Ворк располагают к беззаботному времяпрепровождению как ничто более в двух мирах.

«Ладно, открою тебе секрет, только больше никому!» – сказал я, когда вдоволь наигрался с пушистым теплым котом.

«Говори, никому не скажу», – пообещал Сусанин, сел рядом и начал умываться лапой.

«Если все у меня и Рыжика получится, то в течение года будет у тебя ошейник – я обещаю. И никто его у тебя не отнимет», – сказал я, котик уловил мою искренность (котов мира Ворк обмануть невозможно), обрадовался и подпрыгнул на четырех лапах, готовый к любым свершениям.

Я встал, и мы отправились на поиски Рыжика, неспешно шествуя рядом друг с другом и весело обсуждая все важные лесные события, которые происходили прямо у нас на глазах, –

белки, вороны, бобры и прочая живность на пути давали массу интереснейших тем для разговоров.

С Рыжиком я хотел встретиться не только потому, что ужасно по нему соскучился. Моему лучшему другу среди котов мира Ворк было уготовано одно из самых важных мест в дальнейших планах, и, надо сказать, молодой Вожак как нельзя более соответствует этому месту.

Рыжик, разумеется, полностью рыж. Это первый кот мира Ворк, с которым меня связала долгая дружба. До него я несколько раз общался с котами и даже путешествовал на пару с некоторыми из них. Но после возвращения домой тех котов (тоже, без сомнения, очень умных, ловких и красивых) я больше не встречал. С Рыжиком все сложилось по-другому – после первой же совместной работы (очень удачной, кстати) я уже просто не представлял себе другого компаньона. Все последующие путешествия в мир Ворк, как на Ту, так и на Эту Сторону, я совершал в течение четырех долгих лет только вместе с моим любимым другом Рыжиком. За это время мы стали понимать друг друга с полумысли, «полуслова» при общении с котами и не скажешь – громких слов коты мира Ворк не произносят, разве что тихонько урчат иногда, телепаты пушистые, ну и при нужде могут оглушительно заорать.

За это время Рыжик из кота-юноши превратился сначала в могучего молодого бойца в полном расцвете сил, а после стал зрелым воином, мнение которого ценили все прайды Леса котов. Его постоянная подруга, прекрасная черная Халва, относилась ко мне с неизменным теплым чувством и всегда отпускала Рыжика в наши совместные путешествия. Впрочем, рыжий Одиссей не мог надолго оторваться от любви всей своей жизни и неизменно возвращался к пушистой черной Пенелопе. Правда, в последний поход Рыжик со мной отправиться не смог – он как раз закончил вместе с Халвой выращивать выводок (тоже последний, так как мой кот уже вышел к тому времени из детородного возраста), сдал двух своих котят (черного мальчика и рыженькую девочку) в кошачий детский сад – и его тут же призвали в Старшие коты. Рыжик не смог разорваться на две части и поэтому прикрепил ко мне Сусанина, а сам отправился «принимать пост». Надо сказать, Сусанин отлично показал себя в деле (правда, задание в тот раз было несложное – слетал в Оргбург, встретился со своим агентом, одной высокопоставленной гоблинкой, забрал пару вещей и отбыл обратно), но все равно – Рыжика мне ужасно не хватало. Поэтому я шел по лесу, весело болтая с Сусаниным-младшим, и при этом немного волновался, предвкушая встречу со своим лучшим другом, с которым не виделся почти год (то пересечение путей полгода назад полноценной встречей считать нельзя). При этом я привычно прокручивал в голове далекоидущие планы.

Как уже упоминал, без Рыжика я, скорее всего, не смог бы выполнить ту работу, которую на меня возложил ИскИн – переселение хотя бы одного прайда котов на острова. Да и при полном содействии моего кошачьего брата это являлось очень непростой задачей. Судите сами.

Для начала надо было получить принципиальное согласие не только Вожака и самого прайда – Совет котов леса тоже должен был дать свое добро, а это, я вам скажу, бюрократическая организация похлеще джисталкерского комитета. Если даже они меня выслушают, то не факт, что примут хоть какое-то решение, – данный вопрос для котов чрезвычайно абстрактен и может рассматриваться поколениями вожаков, сменяющими друг друга на ваших глазах, без малейшего продвижения в нужном направлении. Так что в этом деле у меня вся надежда была только на Рыжика, причем я думаю, что ему даже доказывать ничего не придется – просто попрошу помочь, надеюсь, этого хватит.

Второй непростой момент – место жительства прайда. Нельзя везти большое кошачье семейство на абсолютно новую для них землю. Потому что никто, кроме самих котов, не может сказать, подходит им это место для жительства или нет. Насколько я знаю, все может быть, на наш взгляд, идеальным, но коты мира Ворк на этом месте жить не будут никогда, мотивируя

это одной отговоркой: «Не кошачье место», и все тут, хоть ты тресни. Так что после получения предварительного согласия (да-да, типично бюрократическая формулировка) от совета вожakov придется мне и Рыжику (в теории любому кошачьему вождю, но другой кот такого уровня со мной просто-напросто никуда не поедет, приключения – дело молодежи) добраться до цели, чтобы там, среди почти полутысячи островов архипелага, найти подходящее место для жизни прайда. Так что нас, после получения одобрения только на попытку переселения, будет ждать путешествие через треть планеты, и это мероприятие тоже надо продумать пошагово.

Предположим, все прошло удачно – искомый остров найден, мы с Рыжиком поем песню победы и прочая, прочая, прочая. Следующим этапом идет возвращение в Лес котов – это тащиться обратно через треть планеты. После снова следуют долгие переговоры с Советом котов – уже конкретные. Настанет время подарков – коты всегда остаются котами, даже если это высокоумные телепаты мира Ворк.

Ну, наконец-то Совет котов умаслен, добровольцы набраны, все готовы – встает в полный рост резонный вопрос: как? Как перетащить целый кошачий прайд (с семейными парами, беременными кошками, котятами и прочим) через треть планеты? И это тоже придется решать именно мне.

И вот после бесчисленных телодвижений прайд оказывается на острове – вот тут-то и начинаются настоящие трудности...

Ладно, не буду забегать вперед – для начала надо с Рыжиком встретиться. Кстати, весь этот план методично проработан стараниями целых двух отделов «Гном-инста», как будто я все это и так не знаю. Как я и предполагал в самом начале, придется мне потеть в гордом одиночестве и при этом за шиворот тащить массу бездельников к светлому будущему. В общем, все прогнозируемо и ожидаемо.

Так что мы шли по утреннему лесу, весело болтали с молодым котом о совершеннейших пустяках, и при этом совесть моя была чиста, ибо я, можно сказать, пахал, как древний трактор, двигаясь в нужном направлении.

«Сусанин, расскажи, как там дела у Рыжика», – попросил я котика после того, как мы в очередной раз посмеялись над белкой, которая скакала по веткам вслед за нами, пронзительно вереща.

«Нормально у него все», – жизнерадостно передал мне кот и хотел закрыть тему, не особо ему интересную на данный момент времени.

«Он сейчас все так же в совете Старших вашего прайда?» – не отставал я.

«Нет, ты что! – удивился Сусанин моей оторванности от кошачьей жизни. – Рыжик сейчас главный координатор Совета котов леса по вопросам войны и охоты!»

Естественно, понятием «главный координатор по вопросам войны и охоты» я заменил сложнопонимаемое для людей звание: «Авторитетный вожак, почти главный над всеми, но только с едой и врагом, при этом подчиняющийся тройке Старших совета и стоящий по значимости сразу после главного вожака отдельного прайда, последний уровень сохранивших свое имя». Ну и, естественно, должность Рыжика передавалась одним-единственным словом.

«Так он уже скоро Вожаком станет?» – удивился я.

Обычно кот становится Вожаком (оставляет в прошлом свое имя и берет управление прайдом в могучие лапы) в лучшем случае через пару лет после того, как становится Старшим котом. При этом далеко не все коты, переставшие заниматься производством новых котов, становятся Старшими – большинство обучает малышей в кошачьих школах либо служит у Старших в качестве порученцев. Мой Рыжик стал Старшим всего полгода назад – и уже сделал столь стремительную карьеру.

«Так он и должен уже скоро стать Вожаком. Просто все места пока заняты. Еще он может стать Вожаком без прайда», – проинформировал меня Сусанин и тут же отвлекся, убежав ловить пролетевшую мимо яркую бабочку.

«Сусанин, а почему он уже не стал Вожаком без прайда?» – не давал я озорнику сбить себя с мысли.

«Скоро станет, после Большой Охоты», – как само собой разумеющееся мимоходом упомянул кот.

«Ну-ка стой», – велел я, подумав о том, что ситуация складывается удачно.

«Стою», – с готовностью отозвался Сусанин и тоже замер на месте, моментально уловив мой серьезный настрой.

«Когда Большая Охота?» – спросил я.

«Скоро. Как только Рыжик скажет», – поняв, что это всего лишь продолжение разговора, а не бой или еще чего более серьезное, Сусанин лениво потянулся и снова отвлекся на очередную бабочку.

Я улыбнулся и пошел следом за котом, который рванул за бабочкой, весело вскидывая могучие лапы.

«А куда ты меня ведешь, Сусанин?» – спросил я, и от такого вопроса сам же и закатился в хохоте, вспомнив незабвенный белый стих родом из детства:

Куда ты ведешь нас, проклятый старик?
Идите вы лесом – я сам заблудился!

«Странные вы существа, почти коты. Вот ничего смешного не сказал, а радуешься, как котенок куропатке», – скептически отреагировал кот на мое поведение.

«Да вспомнил человеческую историю одну, для котов неинтересную. Про человека, которого звали Сусанин», – сказал я.

«Расскажи!» – тут же потребовал Сусанин-кот, и от любопытства у него вздыбилась шерстка.

Деваться было некуда, и я принялся за вольный пересказ истории про Ивана Сусанина. Кота сюжет заинтриговал, и он молча шел рядом, внимательно слушая рассказ. Когда я закончил, котик спросил:

«А чего тут смешного?»

Я замялся, ибо действительно ничего забавного в подвиге Ивана Сусанина не усматривалось. А объяснить коту, почему это для нас весело, я бы, возможно, и смог за пару недель, но это было бы точно не смешно!

«Я же говорил – человеческая легенда, для котов неинтересная», – попробовал отвертеться я.

«Очень даже интересная история, – возразил Сусанин. – Вот только несмешная, и чего ты укатывался тут – не пойму. Я вот теперь горжусь, что у меня такое имя!»

«Согласен, глупая шутка, и я зря смеялся. Извини», – покаялся я перед Сусаниным.

«Да ладно, вы, люди, иногда как котята – на вас и обижаться нельзя толком», – пристыдил меня напоследок молоденький кот, но тут мимо пролетела очередная яркая бабочка, и он рванул за ней вдогонку.

«Так куда ты меня ведешь-то?» – попробовал я вернуться к прежней теме.

«К Рыжику, куда ж еще», – удивленно ответил Сусанин и скрылся за деревьями.

По лесу бежал рыжий, в белую полоску, молодой лесной кот. Кот делал важное дело – он работал проводником. За ним спешил джисталкер, пытаясь на ходу выяснить у кота, куда конкретно его ведут. Кот терпеливо выслушивал джисталкера, односложно отвечал: «К Рыжику»

– и бежал дальше, считая свой ответ максимально информативным. Джисталкер упорно пробовал интересоваться, где конкретно находится искомый Рыжик. Столь сложные вопросы кот по имени Сусанин не воспринимал всерьез, относясь к человеку как к нетерпеливому котенку, отвечал: «В лесу» – и тут же отвлекался на какое-нибудь интересное событие, проходившее прямо перед его носом, не сбиваясь с маршрута. Джисталкер в ответ тяжело вздыхал, пробовал подойти к вопросу с другой стороны и снова натыкался на межвидовое недопонимание.

Работа 2

Дружительная

*«По дружбе почему-то все обходится значительно дороже», –
подумал я, оплачивая счет.*

История «дружбы» с гаишниками

В какой-то момент, примерно через час быстрой ходьбы, я вдруг понял – со мной рядом никого нет. Только что я ощущал присутствие Сусанина – и вот на тебе, остался один в лесу. Деваться было некуда, я сверился с компасом из скелета магнитной рыбы, которым оказался заботливо укомплектован выданный мне Саней набор снаряжения, по стрикету (расщедрился Рудольф Иванович – выделил мне экспериментальный образец) скорректировал пройденный путь и двинулся дальше в высчитанном направлении.

«Хорошо, что у меня есть всякие современные приборчики, амуниция и вооружение», – подумал я, так как, несмотря на изрядный опыт ориентирования на местности, в лесу мира Ворк я бы точно пошел кругами – чутье человека опирается на магнитное поле Земли, а тут все устроено совершенно по-другому.

Внезапно вдалеке, по направлению моего движения, раздался охотничий рев кота, который подхватило еще несколько луженых глоток.

«Вот они орут!» – восхищенно подумал я.

Рев вскоре повторился, причем, по ощущениям, он стал доноситься с гораздо более близкого расстояния. Хотя в лесу все обманчиво, и я не придавал этому особого значения. Шел неспешно вперед, дыша полной грудью, – поэтому то, что произошло, стало для меня совершеннейшей неожиданностью.

Динозавра я заметил, когда до него оставалось метров двадцать. Это был не гигантский тираннозавр, не жуткий рогатый трицератопс и не безобидный диплодок. Скорее я назвал бы его велоцираптором, и он очень походил на рапторов, которые участвуют в колесничных гонках на Соревнованиях в Оргбурге, только этот экземпляр имел примерно раза в два большие размеры. Еще, в отличие от упряжных оргбуржских рапторов, на этом хищном звере не было железного намордника, передние страшные лапы с десятисантиметровыми когтями не скрывались мягкими кожаными варежками, и мощные ноги никогда не знали цепей-кандалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.